

Литобъединение

Александр МИНЧЕНКОВ

ОСТРОВ ДЕТСТВА

Главы из книги

Предисловие от автора

С момента рождения человек как бы оказывается на необычном острове – острове детства. У каждого этот остров свой, неповторимый, со своими радостями и обидами, успехами и неудачами, шалостями и забавами.

Этот остров не имеет реальной почвы, реального основания, а потому он и необычный – призрачный.

Да, этот остров нельзя найти ни на одной карте мира. Но он существует в людском бытии, и о нём складываются стихи и песни.

Проходят детские годы, и молодой человек покидает этот остров, когда вступает в свою взрослую жизнь. Однако невидимые нити сознания связывают его с этим необычным «материком». В его памяти он откладывается глубоко и следует за ним на всём протяжении жизни.

В книге «Остров детства» наблюдения и размышления автора вложены в уста

обычного мальчишки, который рассказывает о приисковой жизни, о том, какой она была в большинстве посёлков золотодобытчиков сибирского края.

«Остров детства» – это не виртуальное видение, а жизнь действительная, которая окружает каждого из нас, и возврат к ней позволяет что-то осмысливать и находить в ней свою поучительность. А посему повествование рассчитано на широкий круг читателей.

Глава 1.

Спустя двадцать лет

Я оказался в местах, где прошла часть моего детства, и мне вспомнились многие эпизоды тех давних лет.

В семидесятые годы по воле непредвиденных обстоятельств я оказался в старом посёлке золотодобытчиков Светлый, что затерялся в далёкой приленской тайге.

Я созерцал этот посёлок, который выг-

Минченков Александр Михайлович родился в 1949 году в Смоленской области. Вся трудовая деятельность прошла в Бодайбинском районе на крупном золотодобывающем предприятии «Лензолото», расположенном на севере Иркутской области. Трудился маркшейдером на приисках и на разных инженерно-технических и руководящих должностях в управлении предприятия.

Автором изданы книги: «Тяжкое золото», «Средь гор Витима» и «Случай в тайге», сборник басен «Ветхое дупло». Рассказы автора публиковались в литературном журнале «Новосибирск», в книге «Малиновые облака» – сборнике прозы сибирских писателей «Век XX – век XXI», в московских журналах «Литературная столица» и «Российская литература», в альманахе «Моя судьба в истории России». Проживает в г. Новосибирске.

лядел уныло, поскольку оставшиеся от былого времени кое-какие домишки смотрелись кривобокими хибарами. Большинство построек и усадебной городьбы уже не было. Видать, бесхозные нежилые строения и изгородь люди разобрали на дрова или ещё для каких нужд, а посему посёлок, к сожалению, виделся заброшенным, никому не нужным.

От этого видения у меня как бы защемило в душе, а всё оттого, что двадцать лет назад я здесь проживал, здесь прошла часть моего раннего детства. А спустя ещё сорок лет мне захотелось написать книгу о тех детских годах, которые особо отложились в памяти. О себе и сверстниках, о нашем времяпровождении, которое занято было разными увлечениями, имело мечты, радости, необычные и забавные истории, разочарования и успехи, обиды и горести, но всё это учило нас познавать мир и видеть жизнь такой, какая она есть, или, точнее сказать, была таковой в то время.

Я смотрел на кое-где сохранившиеся жилища. Во что же превратилось это поселение? Каков же он был ранее этот посёлок Светлый с таким же, как прииск названием?

Обжитый людьми этот кусочек сибирского таёжного местечка в мои ранние детские годы всецело был поглощён добычей драгоценного металла – золота. Двадцать лет назад здесь всё гудело словно в огромном пчелином улье, каждый человек был занят делами. Одним словом, жизнь кипела и ни на день не замирала в своём течении приискового бытия.

При виде знакомых мест в моём сознании пронесли детские годы, эпизоды и разные истории, происходившие не только здесь, но и на других приисках, на которых продолжалось моё детство.

Я смотрел на речку Жую, протекавшую мимо Светлого, и невольно в моём сознании всплыл случай, произошедший в одну из далёких вёсен, особо врезавшийся в мою детскую память.

Лёд на Жую утратил свою прочность, мы с братом вышли на речку. Весеннее солнце село своими лучами снег заметно, отчего в округе посёлка он тяжело присел и выглядел сероватым. Мы, одетые в шапки, ватные куртки и суконные штаны, радуясь яркому дню, увлечённо разбегались и на валенках прокатывались по льду. Благо, на его поверхности кое-где были места особо гладкие и скользкие.

Брат немногим далее чем я укатился от берега и упал. Неожиданно в этот момент лёд под ним треснул и провалился. Более чем по пояс оказавшись в воде, брат цеплялся руками за кромки льда, но

Рисунок В. Горьковой

они каждый раз разрушались и не давали выбраться ему из этой жуткой полыньи. Куски льда, словно поплавки, колыхались в образовавшейся промоине, сплошняком обступили его и мешали движениям.

Испугались оба. Взрослых поблизости не было. Положение казалось безвыходным. Звать на помощь, когда вокруг ни души, значит – оставить брата в этой страшной ледяной воде, оставить в ситуации, которая могла стать роковой. Неприятная дрожь прошла по моему телу, представил себе ужасную картину, как брат уходит под лёд. Я метался по берегу, боясь приблизиться к кромкам ледяной промоины, в то же время осознавая, что только от меня сейчас зависит жизнь брата. И тут мне на глаза попала торчащая из снега под откосом берега жердина. Я схватил её и пополз как можно ближе к полынье.

– Смотри осторожно, а то сам провалишься! – боясь за меня, кричал брат, продолжавший барахтаться, пытаюсь взобраться на лёд.

Я подполз, насколько возможно, и конец жердины протянул брату:

– Хватай крепче!

Тащить мне было тяжело, всё же возраст шесть лет, но я старался и осторожничал, чтобы брат своей массой не утянул меня за собой. Совместными усилиями удалось помочь брату наконец-таки выбраться из воды. Мы быстро побежали в дом, надо было спешно снять мокрую одежду, обсохнуть и согреться. Благо, наш

домик стоял на берегу реки. Всё происходящее свершилось в считанные минуты, благодаря чему брат не успел особо замёрзнуть и не схватил простуду.

От родителей за то, что полезли на весенний речной лёд, нам заслуженно и изрядно влетело. После этого случая мы никогда по весне не проявляли желания не то что покататься на льду, но и вообще появляться на ледовой реке в такой опасный период.

Отец мне с братом пояснил, что даже в очень сильные морозы, когда, казалось бы, лёд на реке очень толстый, бывают участки весьма коварные. На дне рек местами бьют тёплые ключи, и они поднимают лёд снизу, отчего он становится тоньше, а стало быть, опасным для проезда автомашин и прохода людей. Такая западня отягчается и тем, что кто-либо, попадая в неё, может оказаться в ситуации, когда рядом нет никого, кто мог бы помочь выбраться из беды.

Жуя для нас, поселковых мальчишек, была настоящей отрадой. В ней мы ловили рыбу, купались, катались на прицепленных к берегу деревянных лодках. Чем на большей привязи была лодка, тем свободнее она была на плаву. Когда, стоя на корме, отталкиваешься палкой, заменявшей нам шест, немного проплываешь то в одну, то в другую сторону. Хозяева лодок не больно-то ругались, завидев нас за таким занятием, больше ворчали, что без дела нас «занесло» и сюда.

Но каков же был восторг, если мы обнаруживали не примкнутую лодку, а просто оставленную на привязи. Мы отвязывали лодку и, отталкиваясь шестом, плыли вдоль берега вверх по течению. В носовой части вода хлопала о днище, волны бились о борт, иные брызги достигали ног. В такой момент мы чувствовали себя мореплавателями-путешественниками. Если же из-за нашей нерасторопности течением лодку уводило от берега, то нас заносило в реку дальше, и тогда приходилось отчаянно грести и толкаться шестом, чтобы причалить к суше. И снова и снова пытаться повторить попытку проплыть вверх по реке вблизи берега.

Зимой Жужа слезила нам кактом. И тогда в ход шли коньки, санки, доски, куски фанеры и картона, одним словом всё, что могло скользить и радовать тем самым нас.

С приходом же весны, в период ледохода, река была своеобразным кратковременным аттракционом, когда можно было изловчиться и прокатиться на льдинах, которые на берег выталкивала бурная напиральная вода. Забава такая была небезопасна, но тем не менее она нас этим и привлекала.

Непосредственно на берегу Жуи располагалась лесотаска, где принимали сплавленный по реке лес. Лесотаска занимала значительную часть берега, откуда из воды запряженными лошадьми вытаскивали брёвна, шедшие в дело.

Плоты же с лесом размещались в огромном речном улове, они были крепко привязаны канатами к вкопанным на берегу невысоким, но большого диаметра столбам. Недалеко от лесотаски стояла пилорама, где разделявали лес на деловую древесину, пилили доски и тёс. Опилки не больно-то копились в большие кучи. По мере их накопления население посёлка развозило и растаскивало для своих нужд. Кто строил засыпнушки и ремонтировал завалинки у домов, кто брал для подстилки свиньям и курам, а больше вывозились эти опилки на приисковую скотную базу для подстилки животным.

Когда взрослых не было вблизи речного улова, мы, мальчишки, любили поноситься по этим плотам, перебегая с бревна на бревно. И даже умудрялись качаться на отдельных брёвнах, концы которых свободно были на плаву. Было интересно ощущать, как лесина от твоих движений и приседаний, словно поплавок, то слегка уходит под воду, то вновь выныривает, и ты ликуешь, совершенно не осознавая опасности.

Улова в этом месте были глубокими. Толща воды тёмная и пугала нас своей таинственностью. Здесь мы не купались, боялись её, словно чёртового омота.

На левом берегу Жуи домов было мало, сам же посёлок в основном располагался на правом берегу, и разделялся он речушкой Тунгуской. Среди русских, а это основное население, проживали и несколько семей якутов, которые жили обособленно и на объектах прииска не работали, а занимались таёжным промыслом.

Когда мне исполнилось два года, сюда, в этот посёлок, наша семья и приехала. Отец Михаил Фёдорович, мать Мария Петровна и я с братом Владимиром. А приехали мы из далёкой смоленской деревушки. Позднее, когда мы подросли, мать рассказала нам причину переезда в эту таёжную Сибирь.

В деревне жилось трудно. Прознали, что на золотых приисках можно заработать хорошие деньги, налажено доступное по деньгам продовольственное снабжение и жизнь здесь во многом отличается от деревенской. Самого переезда, конечно, я не помню.

Брат был старше меня на два года. Но и он вряд ли помнил такое событие в свои четыре года.

Отец занимался плотницким делом и

работал больше на приисковых объектах. Трудился с раннего утра до позднего времени. Мать трудоустроилась в столовую. Помню, когда мне уже было шесть лет, работала она буфетчицей. Стоя за прилавком в обеденном зале столовой, она торговала разной столовской стряпнёй, мясными, рыбными и овощными консервами, спиртом на розлив, принимала деньги за обеды от клиентов, выдавала им при этом маленькие бумажные талончики, по которым в окне раздачи они получали оплаченные блюда.

Некоторые мужики, приходившие обедать, иногда к съестному блюду просили налить спиртное. Мать брала небольшую алюминиевую мерку сорок или восемьдесят граммов. Отмеряла меркой спирт и сливала его в гранёный стакан клиенту. Спирт разводили водой из графинов, которые стояли на каждом обеденном столе. Были посетители и такие, которые спирт выпивали, не разбавляя водой. Я порой видел, как мужики, выпив содержимое, морщась, кряхтели, при этом подносили к носу кусок хлеба, втягивали его запах, после чего закусывали.

При виде этого я невольно морщился, не одобряя их выпивку.

Больше мне запомнилась работа матери в буфете, наверное, из-за угощений меня с братом шоколадными конфетами или печеньем, немного прогрызенными мышами. В торговлю такие продукты не шли и их, вероятно, списывали или делали на них уценку.

Мы с братом были счастливы, когда у нас в руках оказывались эти сладости. Места конфет, тронутые мышами, мы старательно обрезают ножом и выбрасывали, конфеты же сразу шли в потребление. Подобное происходило редко, но всё же случалось. В такие моменты я мечтал – было бы хорошо, если бы мыши проворнее на складе или в столовской кладовой прогрызали коробки с конфетами или печеньем и нам бы чаще перепали сладости.

Нельзя забыть маленький, но необычный случай в столовой. Один из клиентов, вроде как из приискового начальства, оплатив обед, получил его в окне раздачи, здесь же вооружился ложкой, вилкой и присел со всем этим за обеденный стол. Склонился над тарелкой с борщом и громко стал возмущаться:

– Что ж такое в тарелке плавает? Таракан, что ль?! Ну, извольте, куда ж такое годится!

Официантка подбежала к его столу и увидела, что в борщ действительно попал таракан. Надо сказать, в столовой борьба с тараканами велась по безуспешно. Свои наглые вылазки они совершали по-

всюду, а в случае малейшей опасности незамедлительно ныряли в щели и исчезали.

– Да ну, скажете тоже, какой же это таракан, дайте-ка я сейчас взгляну.

Она быстро схватила ложку расшумевшегося клиента. Пока мужчина доставал из кармана очки, чтобы разглядеть объект своего возмущения, официантка почерпнула ложкой борщ и выловила из тарелки таракана. Обедавшие за соседними столами посетители с интересом смотрели на происходящее. Очевидно официантка, понимая, что репутация столовой под угрозой, уже глядя в ложку, о чём-то несколько мгновений раздумывала. Неожиданно разом опрокинула содержимое ложки себе в рот и громко воскликнула:

– Никакой это не таракан, а изюминка оказывается. На кухне в кастрюлю изюм засыпали на компот, ну попала одна нечаянно, вот беда какая!

Глядя на такое действие, всполошившийся клиент, да и все обедавшие теперь не могли усомниться, что это был действительно не таракан. Скандала не произошло, все успокоились. И каждый из посетителей продолжал заниматься своим делом.

Мать нам потом рассказала, как официантка, не показывая виду посетителям, покинула зал, а, выбежав во двор, от тошноты разразилась рвотой. Заведующая же столовой отблагодарила официантку за её «героический» поступок, поскольку своей находчивостью она защитила честь заведения.

Глава 2.

Посёлок золотодобытчиков

Эта глава больше познавательная, чтобы читатель мог ознакомиться с сибирским местечком. Что посёлок Светлый собой представлял, где он находился и о его особенностях.

Посёлок Светлый в своё время, как я уже поведал читателю, был большим таёжным населённым пунктом золотодобытчиков и относился он в сороковые – пятидесятые годы к прииску с таким же, как посёлок, названием.

Прииск Светлый входил в структуру крупного золотодобывающего предприятия «Лензолото». Такое название оно получило от сибирской реки Лены, водораздел которой весьма обширен и включает в себя многочисленные притоки, издавна богатые запасами месторождений золота. В целом добыча драгоценного металла велась по всему Бодайбинскому району, географически расположенно-

му на севере Иркутской области, где и находился посёлок.

В Бодайбо, а это районный административный центр, располагалось главное золотопромышленное управление – трест «Лензолото», который управлял всеми горно-добывающими предприятиями в районе.

Работы по добыче россыпного золота велись в поймах многих речушек Бодайбинского таёжного края, при этом использовались шахты, гидравлики и плавучие драги. Были и малочисленные бригады старателей, промывавшие водой золото-содержащие пески на самодельных шлюзах, бутарах, это такие устройства в которых и происходило предварительное извлечение золота. После чего обогащённые золотосодержащие концентраты вручную на выдолбленных из дерева лотках доводили до получения самого драгоценного металла.

Жуя несла свои воды в речку Олёкму, Олёкма – в полноводную сибирскую красавицу реку Лену.

От Бодайбо до посёлка Светлый можно было добраться грунтовой дорогой, протяжённость которой немногим более двухсот километров. Дорога в основном таёжная. Особо трудной она представлялась от Светлого до ближайшего посёлка Кропоткин, находившегося почти в семидесяти километрах.

Многочисленные речные броды, вечномёрзлые талики, заболоченность – всё это являлось серьёзной преградой для всех средств передвижения, особо в дождливые дни. Даже такие автомашины, как ЗИЛ-157, считавшиеся в то время «королями трасс», с трудом проделывали свой путь по сложной таёжной дороге, доставляя на прииск необходимые грузы. Зимой, когда перемерзали реки и мари, эта трасса становилась зимником. Кроме ЗИЛ-157, зачастую по зимнику передвигались трактора и лошади, запряжённые в сани.

У местных якутов были свои средства передвижения – олени упряжки. В основном якуты стояли стойбищами в поймах таёжных рек, занимаясь промыслом пушнина, охотой на диких животных, заготовкой рыбы. Почти всё это они сдавали в районный зверопромхоз, за что получали оружие, порох, дробь, рыболовные снасти. Какую-то часть промысла оставляли и себе, для собственных нужд.

Стойбища представляли собой таёжные чумы или примитивные избышки. Внутри жилищ стены и нары покрыты шкурами домашних оленей или диких животных, полы из дерева, но иногда и просто земляные.

Якутские табуны оленей были большими. От взрослых я не раз слышал, что

якуты вроде как и не знали точное количество своих оленей в своих стадах.

Примечательным было то, если кому из жителей посёлка нужно было мясо оленя, они преподнесли якуту водку, угощали. Захмелевший же якут под воздействием «огненной воды» добрал и угощал гостя олениной, а порой и позволял ему выбирать оленя на убой. В дальнейшем такой обмен якуты перестали одобрять, а мясо больше меняли на одежду и продукты.

На Светлом для жизнедеятельности было всё. Несколько магазинов, торговые ларьки, хлебопекарня, столовая, два или три общежития, а вернее, бараки для людей холостых и малосемейных. Амбулатория, клуб, база промышленных и продовольственных складов, мастерские с кузницей, гаражи, конный двор, животноводческая база, небольшой кирпичный заводик, двухэтажная средняя школа, детский сад. Все постройки в посёлке были из дерева. Большую часть поселения занимали частные дома со своими усадьбами, огородами, оттого Светлый и занимал солидную земельную площадь.

Основная часть посёлка располагалась как бы на правой стороне речки Тунгуски. Центром посёлка считалась большая площадь, по одну сторону которой размещались помещение почты, столовая, продовольственный и продуктовый магазины, два киоска. От площади шла широкая улица, выходящая на добротный деревянный мост через Тунгуску. Этот мост был основательным, по нему передвигались транспорт и люди, он являлся главным сообщением между двумя берегами.

Имелся через Тунгуску и второй мостик, против школы, но он был небольшой, узкий и оборудованный перилами, служил исключительно для людского передвижения.

Посреди площади стоял столб, на котором был закреплён большой деревянный щит. На нём обычно вывешивались разные объявления и, самое главное, афиша кино.

Иногда на площади происходили какие-либо праздники и сопровождались они массовыми гуляньями. Людей собиралось много, всем хотелось веселья, послушать гармонистов и разных затейников.

В хозяйстве посёлка, а вернее прииска, содержался даже свой пионерский лагерь, и располагался он в живописном месте в трёх километрах от поселка в красивом сосновом бору, буквально в ста метрах от лагеря большое озеро Королёвское с пляжем из мелкого жёлто-серого песка. Вода в озере тёплая, и ребятам с

огромным удовольствием под присмотром воспитателей плавали, плескались, загорали.

Дальше от лагеря, в девяти километрах, находилось ещё одно более обширное озеро – Торбеевское. В этих озёрах водились крупные окуни, караси и щуки. Водоёмы сообщались мелкими протоками с речкой Жуей. Эти места пользовались всеобщим вниманием заядлых рыбаков.

Надо сказать, Жуя с её притоками, а их немало, богата рыбой – водились хариус, ленок, валёк и даже таймени. Такие речушки, особенно осенью, были предметом серьёзного рыболовного промысла.

Лес в здешних местах главным образом преобладал сосновый, хотя на склонах гольцов и сопках рос и смешанный, с большим количеством берёзы, ели, осины, ольхи.

В сосняке особо приятно находиться после грозы, когда можно ощущать присутствие озона. Вообще, надо заметить, места здешние весьма красивы, богаты ягодами, грибами, лесным орехом. Люди ежегодно и много заготавливали: из ягод – бруснику, чернику, голубику, малину, смородину, морошку, из грибов – подосиновики, подберёзовики, маслята, грузди белые и жёлтые, белые грибы, опята.

Каждое подворье припасало на зиму солидные запасы варенья из ягод, сушёные, солёные и маринованные грибы, кедровые и стланиковые орехи. Это надо видеть, когда зимой под целую варёную горячую рассыпчатую картошку родители к столу доставали из погребка белые солёные грузди.

Грузди, с их чуть мохнатыми кромошками, аппетитно выглядели, их было приятно цеплять на вилку и ощущать во рту невообразимый мягкий хрустящий вкус. Некоторые в шутку называли эти грибы лесным салом. Взрослые считали такое блюдо незаменимой и даже обязательной закуской к выпивке.

Примечательностью посёлка Светлый был аэродром, и находился он примерно в километре от Жуи, на левой её стороне. Аэродром занимал огромное равнинное поле. Взлётно-посадочная полоса была обозначена соответствующими знаками. На аэродроме стоял небольшой деревянный сруб, в котором располагалась диспетчерская служба, оборудованная радиостанцией.

Самолеты АН-2 прилетали из районного центра – города Бодайбо – не так уж и редко, в основном доставка почты, перевозка пассажиров, больных, иногда на вертолёте или самолёте прилетало большое начальство. Вертолёты прилетали небольшие – Ми-2 и Ми-4. И всё же при-

бытие какого-либо летательного аппарата для посёлка было целым событием.

Большинство мальчишек, услышав гул приближающегося самолёта или вертолёта, всегда устремлялись на аэродром поглазеть на летающую диковину, увидеть, кто прилетел, что привезли, как разбегается по земле, ревя мотором, и красиво взлетает крылатая машина. Я, как и многие мальчишки, в душе мечтал обязательно стать лётчиком, когда вырасту.

Рисунок Г. Кобелевой

Рядом с аэродромом большое озеро, с названием Пионерское. Никакого пионерского лагеря рядом с ним не было, а почему оно получило именно такое название, никто толком не знал.

Между озером и аэродромом редколесный, но красивый сосновый бор, берег озера песчаный. Противоположная же его сторона болотистая и заросшая низким березняком и кустарником. Озеро не сообщалось протоками с рекой, и поэтому вода была всегда чистая и тёплая. Купаться в нём было одно удовольствие.

В озере из рыб водились в основном гольяны. Это не очень большие рыбки, по размеру и виду напоминающие крупную кильку или обычную мойву. Гольяны были постоянным предметом любительской рыбалки мальчишек. Ловили их главным образом для интереса, на угощение котам и кошкам.

Водились в озере и пиявки, которых ребята не боялись и при купании старались не стоять подолгу в воде, а посто-

янно двигалась, не давая им возможности присосаться к телу. Иногда смельчаки специально с голыми ногами стояли в воде подолгу и, когда пиявка присасывалась, они выходили на берег и демонстрировали купающимся этих водных тварей. Мне же эти пиявки были противны, и я не старался подолгу стоять в воде, чтобы никакая из них не успела ко мне приблизиться.

Взрослые говорили, эти кольчатые черви высасывают плохую кровь, и их даже используют в медицине. Поэтому среди взрослых были и такие, которые иногда специально вылавливали пиявок и собирали их в наполненные водой стеклянные банки.

В посёлке имелась дизельная станция, которая вырабатывала электроэнергию. Часы работы её были определены по времени. Мотористы станцию запускали утром с шести до восьми, а вечером, с наступлением сумерек, давали свет до двадцати трёх часов.

В таком же режиме работал и местный радиоузел. В то время иметь радиоприёмник, который ловил несколько радиостанций, было большой роскошью. В домах и в общественных зданиях были установлены простые бытовые репродукторы с круглым диффузором из чёрной плотной бумаги.

В три-четыре года меня удивляло, как в этом репродукторе, а вернее в коробушке, прикреплённой к диффузору, уместятся люди или музыканты, когда оттуда исходила речь или звучала музыка. Меня всегда «подмывало» разобрать этот репродуктор и удовлетворить своё любопытство. Повзрослев, об этом я вспоминал с усмешкой.

Глава 3.

Домик на берегу

О типичном приисковом жилище, какие приходилось испытывать житейские неудобства бытия, а также о необычном случае и горькой утрате. Гроза.

Я уже обмолвился, что у нас было собственное жильё. По приезду родители сразу залезли в долги для того, чтобы приобрести небольшой домик с огородом на окраине посёлка, и стоял он на берегу Жуи. Домик был старой, но добротной постройки из кругляка. Внутри не было никаких перегородок, это была одна сплошная комната. При входе лежал самодельный вязаный коврик из разных цветных лоскутков ткани. Посреди комнаты стояла большая кирпичная печь с топкой, поддувалом, юшкой в трубе и духовкой, имелись два окна. Одно выходило на огород, другое – в сторону речки. Земли

было соток девять-десять, выращивали картофель, разные овощи.

Я любил в зимние дни смотреть в окно и наблюдать за воробьями, которые сновали иногда по огороду в поисках пропитания. Порой какой-либо подлетал к окну и даже заглядывал через стекло в дом, вроде как просил вынести ему чего из еды на улицу. Я разглядывал тонюсенькие воробьиные лапки, и мне было этих птиц очень жалко. Как это они умудрялись терпеть столь продолжительную зиму с таким ужасным холодом?

Когда выходил я на улицу, сразу бросалась в глаза картина повсеместной сизой дымки, клубами исходившей из труб над домами посёлка. Дым, поднявшись с десяток или чуть более метров над крышами, таял, исчезая бесследно, а всё новые и новые его порции, что вываливались из труб, продолжали заполнять освобождающееся пространство.

В нашем домике при входе по правую сторону был отгорожен сусек для содержания свиней, рядом с ним стоял курятник. Верх курятника, закрытый столешницей, использовался как кухонный стол для хозяйственных нужд. Над сусеком размещалась вешалка для одежды, представляющая собой полочку для головных уборов, а под ней набиты в два ряда длинные гвозди, на которые и вешалась верхняя одежда.

По разные стороны от окна стояли две деревянные кровати, одна – родителей, вторая – та, на которой спали мы с братом. Над нашей кроватью висел простой полотняный коврик из ситца с двумя белыми лебедями. Коврик примитивный, но он нам нравился крупностью изображения этих красивых птиц. Прямо перед окном стоял большой деревянный обеденный стол, рядом с ним несколько деревянных табуреток. Вся перечисленная мебель самодельная и, вероятно, была сделана отцом. То, что над сусеком была вешалка для одежды, мне запомнилось благодаря необычному случаю, произошедшему в день моего рождения.

Родители пригласили гостей. Гости было немного, по всей вероятности очень знакомые им люди. Я получал свои какие-то небольшие подарки, при этом как было принято, каждый пытался потянуть за ухо именинника.

«А ну, Санёк, давай-ка свои уши! Потрепем их, чтоб рос выше!» – так требовали некоторые гости.

Эта процедура мне не нравилась, но что поделаешь, трудно увернуться, коль получаешь подарок.

Взрослые сидели за столом, выпивали, кушали, весело о чём-то разговаривали и даже хором пели песни. Когда засто-

лье закончилось, гости начали расходиться. Один из мужиков не мог найти свою шапку. Родители начали его спрашивать, а была ли у него шапка вообще, приходил ли он в ней. Сомнения в этом зародились по причине, что на улице, хотя и лежал снег, однако весна уверенно радовала своим теплом жителей посёлка, и некоторые ходили в кепках, а бывали и такие, что головные уборы не надевали и вовсе. Гость, будучи изрядно выпивши, утвердительно заверял всех, что он пришёл именно в шапке и повесил её на гвоздь.

Поиски ушанки возобновились. И кто-то заметил: в сусеке, где хрюкал боров, лежат необычные и замусоленные куски кроличьей меховой шкурки. Стало быть, его шапка, сшитая из кроличьего меха, с вешалки упала в сусек, и боров сразу нашёл себе развлечение. Шапку изодрал до невозможности её использования по назначению. Сконфуженные таким исходом мои родители пообещали гостю купить новый головной убор, однако он настоятельно просил не делать этого.

Не знаю, купили они шапку этому гостю или нет, но за этот поступок хряк получил от отца хорошую затрещину по хребту. Вероятно, в этот момент боров недоумевал: «За что?!».

Запахи от содержания свиньи и кур всегда нас сопровождали в доме. И это несмотря на регулярную замену в сусеке и курятнике подстилки из свежих опилок. В то время многие содержали свиней и курей непосредственно в домах. Многие же из поселковых жителей имели так называемые катухи – небольшие деревянные постройки для содержания свиней и птицы в своих дворах. Некоторые делали стойла в своих усадьбах, где содержали коз и коров и даже держали лошадей. Благодаря своему труду в личном подворье люди получали неплохой достаток к столу и, наверняка, определённую экономию.

С продуктами питания мы не бедствовали. В доме было для этих мест почти всё. Мука, разная крупа, картошка, мясо, куриные яйца. Покупали хлеб, молоко, масло. Мать была не из ленивых людей, и всегда на столе было что-нибудь приготовленное из еды на целый день. К тому же, как и у всех, у нас были лесные припасы.

Свежие фрукты, а это бывали яблоки, в посёлок завозили крайне редко, а если и появлялись они в магазинах, то цена на них была солидная. А поэтому и довольствовались все жители сухофруктами. Иногда мать из столовой приносила что-либо съестное. В основном это была стряпня или какие-либо блюда, оставленные и не тронутые клиентами. В дни зар-

платы отца или матери у нас на столе появлялись колбаса, сыр и конфеты.

Наш первый небольшой собственный домик в посёлке мне запомнился многими моментами моих прожитых детских лет. Особо осталось в памяти печальное событие.

Когда мы жили в этом доме, у нас в семье родилась сестрёнка Зоя. Эта малышка, к великому огорчению, умерла через несколько месяцев. Похороны были ранней весной. Снег, отяжелевший от лучей прогревающего солнца, ещё лежал повсюду. Малосенький деревянный и обитый тканью гробик, много знакомых и незнакомых людей, надрывный плач матери, хмурое лицо отца.

Отец нёс гробик до самого кладбища, обвязав его длинным полотенцем, и на весу через шею. Мужики не раз подходили к нему и предлагали свою помощь, но он наотрез отказывался и продолжал шагать и нести эту горькую ношу.

Он уже летом занимался обустройством могилки оградкой. Прямо на берегу Жуи топором обтёсывал концы тонкого штакетника и аккуратно складывал здесь же. Кладбище было недалеко от берега. Помню, я спустился от дома к реке и хотел попросить какого-нибудь лодочника перевезти меня на другой берег. В мои шесть лет всегда тянуло к отцу, иногда хотелось в чём-то ему помогать, а может, просто не хватало общения с ним.

Отец увидел меня с другой стороны берега и окриком, не принимающим возражения, заставил вернуться домой. Кто знает, может он просто не хотел, чтобы я видел его подавленное настроение, переживания. Образ маленького личика умершей сестрёнки из детства надолго остался в памяти.

Впоследствии я не раз думал, как плохо, что у нас с братом нет сестрёнки, с которой можно было бы играть, которая помогала бы по дому матери, и завидовал мальчишкам, имевшим сестёр.

Мне в том же году пришлось изведать природную стихию, которая для меня в то время выглядела глобальной катастрофой.

В один из дней я шёл от площади. До дому оставалось немногим более с полкилометра. Но вдруг, откуда ни возьмись, налетел шквальный ветер. Небо закрылось тучами, тоже неизвестно как появившимися. Первые тучи были тёмно-синие, следом за ними нагнало чёрные, и всё вокруг провалилось во мглу. И тут внезапно сверкнула сначала одна, потом целый каскад молний. За ними с невероятным треском раздалась раскаты грома. Небо словно рвало на куски, отчего ужас и страх охватили мою душу. Я споткнулся, упал.

Мощный дождь крупными каплями мгновенно промочил дорогу и вместе с ней меня насквозь. По лужам неистово барабанил ливень, отчего образовывалось множество крупных пузырьков, которые тут же лопались, на их месте же появлялись новые.

Мне казалось, громоздкие тучи вместе с небом вот-вот раздавят меня. Я был беспомощен перед разразившейся стихией, хотелось плакать, кричать, звать на помощь. Но в округе никого не было, и это ещё более вселяло в меня страх. Перебежками, между громовыми ударами, я во все лопатки мчался к дому. Яркий свет молний почему-то пугал меня менее, чем страшные залпы разрядов туч. Почти бесконечные раскаты «ТРАХ!!! ТАРАРАХ!!!» давили на сознание, я боялся, что гром просто пригвоздит меня к этой мокрой и грязной земле. Но, слава Богу, внезапно нахлынувший ужас стих, унесло его куда-то за гольцы, небо начало светлеть, и страх стал покидать меня.

Когда я добрался до дома, брат еле узнал меня. Мокрый до нитки и грязный, к тому же претерпевший жуть сильной грозы я выглядел, наверное, жалким существом. Пережив такие страсти, я не раз о них говорил родителям, на что они меня успокаивали и учили, мол, сторониться надо не грома, а молний, которые опасны своими электрическими разрядами.

Надо сказать, мы с братом в основном изо дня в день были предоставлены сами себе. Родители с утра до вечера на работе. До школы, правда, один год я всё же ходил в детский сад, но посещал его с большим нежеланием.

Такое положение вещей как-то больше приводило к самостоятельности и какой-то дозволенности в чём-либо в моих действиях, как ребёнка, которому не терпелось познать всё то, что меня окружало повседневно и с чем сталкивался иной раз. Порой при этом попадал в какие-либо необычные ситуации, которые иногда меня огорчали или радовали, а больше поучали, однако в любом случае это позволяло мне в своём детском уме делать выводы, которые, как бы то ни было, влияли на моё воспитание и формирование личности.

Глава 5.

Важнейшим искусством является кино
В посёлок завезли интересный фильм, и попал я на его просмотр необыкновенным способом. Наша семья переехала в другой дом.

Незабываемыми моментами были дни, когда в поселковом клубе демонст-

рировали фильмы. Если мне родители давали десять копеек на кино, я мчался на всех парах в клуб на его просмотр. С каким же захватывающим сознанием смотришь на экран, на котором разворачиваются события. Военные, комедийные, приключенческие фильмы меня всегда удивляли своей простотой и понятной игрой актёров, живой доступностью для зрителей, явно выраженными эпизодами, которые не нуждались в излишних комментариях. О них только можно было рассуждать и осмысливать увиденное, впитывая в себя что-то наиболее понравившееся и полезное.

Порой у меня денег не было или не давали их, а так хотелось увидеть что-то новое. Мать говорила: «Я же тебе недавно давала денег на клуб, хватит, на следующей неделе пойдёшь».

Иногда на афише под названием фильма ставилась загадочная надпись: «Кроме детей до 16 лет». Такие предупреждения ещё более привлекали своей таинственностью. По-детски думал: «Хорошо быть взрослым, можно ходить даже на такие необычные фильмы».

Однажды в посёлок привезли киноленту «Судьба клоуна». Фильм немой, чёрно-белый, но все о нём только и говорили, мол, фильм очень смешной и в главной роли комик Чарли Чаплин. Билеты разобрали, и купить ни в кассе, ни с рук я не смог, а пропустить такое было выше моих сил. Прозвенел первый звонок, и люди направились со своими билетами к двери, где стояла тётя-контролёрша. Она привычным для неё жестом брала в руки голубенькие билеты и отрывала от них корешки, на которых было напечатано: «Контроль». Люди проходили в зрительный зал и рассаживались по своим местам. В фойе стояли несколько молодых мужчин, курили, о чём-то оживлённо разговаривали и, как видно было, не торопились попасть в зал с первым звонком. Я подошёл к ним и с отчаянием в голосе взмолился:

– Дяденьки, помогите мне попасть в кино.

Мужчины прервали свой разговор и повернулись в мою сторону. Один из них внимательно посмотрел на меня и пожалился, увидев моё умоляющее выражение лица. Он обратился к своим собеседникам:

– А что, мужики, поможем нашему брату? Ведь для всех важнейшим искусством является кино.

И тут же повернулся ко мне, расстегнул своё длиннущее пальто и предложил:

– Давай так поступим, малый, мы сейчас всей гурьбой пойдём к контролёру, прячась под моё пальто, я заслоню тебя

собой, мужики отвлекут контролёршу, глядишь, и ты в дамках.

Прозвенел последний, третий звонок. Я, затаив дыхание, продвигался под покровом пальто незнакомца, стараясь идти в ногу с ним и одновременно прячась за него. Его товарищи тут же преднамеренно напирали спереди и сзади, топя тётю-контролёршу:

– Давай, мать, поскорее, а то свет погасят, в потёмках места свои не найдём.

– Да что вы сразу гурьбой-то прёте, – возмущалась она, сосредоточив своё внимание на билетах.

Меня не заметили, я прошмыгнул в зал, где сразу же спрятался за последними рядами и с затаённым дыханием ждал, когда погасят свет. К сожалению, при таких обстоятельствах я даже не успел поблагодарить незнакомца. Это был единственный случай такого похода в кино.

Свет погасили, на экране вначале традиционно показали киножурнал о достижениях в стране, после которого начался фильм. До чего же комичен этот Чарли Чаплин. Вроде и не улыбается, обыденный и непосредственный, а мимика и его движения, поступки и действия настолько были смешными, что все зрители и я вместе с ними смеялись от души, поражаясь игрой актёра с его необычной походкой, манерами и к месту используемой трюстью.

В то время я был благодарен судьбе за удавшееся проникновение в зрительный зал на просмотр понравившегося мне фильма, при этом даже не заплатив денег. Об этом фильме я иногда вспоминал, не раз мы во дворе с мальчишками обсуждали сюжеты из этого фильма. Гораздо позднее я снова смотрел этот фильм и вспоминал историю его первого просмотра.

Вскоре мне исполнилось семь лет, родители продали домик, в котором жили, и купили другой, и тоже с огородом. Дом небольшой, имел отгороженную маленькую кухню с печкой и одну большую общую комнату. Стоял он в удобном для посёлка месте, на левой стороне Тунгуски. В ограде были небольшие хозяйственные постройки: утепленный с засыпными стенами катух для содержания свиней и кур и навес для хранения дров.

Огород у нас имел форму как бы замкнутой впадины, и весной, когда растаивал снег, в нём образовывалось небольшое озеро. Мы с братом соорудили маленький плот из подручных досок, брали в руки палку-шест и попеременно плавали. Такого аттракциона в огороде ни у кого не было. Когда вода уходила, на этом месте мать обычно высаживала рассаду капусты. Очень влажная почва, которая ко

всему получала подпитку от дождей, давала хороший урожай. Капуста вырастала на удивление всем крупная, плотная и сочная.

Причину переезда не помню, но предполагаю, родители либо не захотели оставаться в доме, где умерла сестрёнка, вероятно, стены дома постоянно напоминали о трагедии, либо решили улучшить жилище и приблизить его к школе, больнице, магазинам. Тем более мне уже на следующий год предстояло идти в первый класс.

Глава 6.

Грозный пёс

Появился в доме щенок, которому дали необычную кличку, он быстро вырос и стал показывать свой характер.

Новые соседи и знакомые.

Брат, когда ходил зимой в школу от прежнего нашего места жительства, успевал изрядно продрогнуть, хотя родители старались одевать его тепло: шапка-ушанка, пальто с ватными подстёжками, валенки.

В детские годы, так уж по жизни сложилось, мне из одежды в основном доставались обноски от брата. Раз он старше на два года, то, разумеется, после его носки одежды или обуви всё это становилось ему малым. Когда брату покупали какую-нибудь обнову, я смотрел и завидовал ему. Иногда брала обида, что ему достаётся из одежды всё новое, а мне старое, поношенное. Однако понимал, это из-за недостатка денег и вынужденной экономии средств. Неопишимо торжествовал я, когда и мне иногда покупали какую-нибудь обнову.

На новом месте жизнь более оживилась. Если на окраине посёлка, где жили раньше, мало было подростков, то здесь мальчишек было полно во всей округе. Новые знакомства, игры в лапту, прятки и даже в городки, разные ребячьи потехи, всё это наполнилось новым общением.

По улице, на которой стоял наш дом, стояли в основном частные дома со своими огородами. На одном конце улицы – амбулатория, с другой – здание пожарной части, в гараже которой два пожарных автомобиля, поодаль школа и котельная при ней.

С одной стороны здания пожарной части имелась квартира, в которой проживала семья Чувашовых. Как помнится, их глава семейства был вроде как начальником «пожарки», так пожарную часть промеж себя называли в посёлке. В семье у них было трое детей: сыновья Слава, Саша и дочь Валентина. Братья Чува-

шovy – одноклассники, ровесники моего брата.

Чуть дальше проживала семья Колупаевых. У них был сын Вовка, мальчик моих лет. Рядом с их домом Мотыцины с большим семейством. Рядом с нашим домом проживали Затрутины, у которых единственный сын Слава. Проживали на нашей улице и другие семьи с детьми примерно одинакового со мной и моего брата возраста.

В посёлке жили и наши дальние родственники. Раньше они тоже проживали на Смоленщине, но в другой деревне. При этом фамилия у них была созвучна с нашей. Они поселились в Светлом значительно раньше нас, обжились. Их дом стоял на левом берегу Тунгуски. Во дворе рядом с домом постройка – стайка, катух, сеновал, кладовка, к дому примыкал большой огород, нижняя граница которого выходила к речушке.

Семья у них состояла из четырех человек. Отец дядя Коля работал участковым милиционером, мать тётя Клава хозяйствовала по дому и ухаживала за скотиной. Держали они корову, свиней, кур. Их дети, Галина и Саша, были почти наши одноклассники. Наш переезд в этот посёлок и был, вероятно, определён родителями, что в нём проживали уже знакомые им люди и что именно они посоветовали уехать из деревни сюда.

Как-то отец принёс домой маленького серого щеночка.

– Держите, – сказал он нам с братом. – Кормите, вырастет, хату охранять будет.

Невообразимой заботой мы окружили нашего питомца. Принесли для него чашку, вынесли немного супа. Наблюдая, как он жадно ест, принялись размышлять, как его назовём.

Каких только кличек мы друг другу не предлагали, но всё как-то не приходило к одному мнению. В очередной раз брат предложил:

– А давай назовём его Букет!

– Да ну тебя, это же к цветам относится, – не соглашался я.

– Ну почему к цветам, может, букет всего, чего хочешь, мне нравится.

Я возражал, уж больно не хотелось называть щенка так, как предлагал брат, но под его упорством я сдался. Просто брат настоял на своём выборе.

Отец Букету соорудил собачью будку прямо под дровяным навесом. Щенок всегда был на улице, привязанный верёвкой к самодельному из старого ремня ошейнику. Когда я или брат были дома, мы отпускали его бегать в ограде. Если шёл дождь, он прятался в своём убежище. В свободное от школы время я иногда выходил из дома и с интересом гля-

Рисунок Н. Ромашевой

дывал в конуру, чтобы понаблюдать за ним.

– Вот вырастешь, будем с тобой вместе в лес ходить, – говорил я Букету.

Букет смотрел на меня своими, как мне казалось, умными глазами и, вероятно, понимал меня. Любая косточка от мяса или что-нибудь съестное из дома незамедлительно преподносились нашему питомцу. Мать часто из столовой приносила столовские пищевые отходы, которые шли на корм хрюшкам, ну и, конечно, доставалось собаке.

Год прошёл незаметно, прошёл незаметно и второй. Букет вырос и превратился в большого и грозного пса. Крупный, с серым окрасом, с виду он больше походил на волка, что придавало ему устрашающий вид. При приближении кого-либо к ограде он недовольно рычал, охранник он был, безусловно, надёжный. От злобы, что не может достать чужого, он грыз штакетник, насколько позволяла длина железной цепи, при этом штакетник от его клыков местами сильно страдал. Отец иногда ему выговаривал:

– Что ж ты делаешь, псина этакая, опять штакетины менять надо.

В таких случаях Букет, словно осознавая свою вину, отворачивал морду и отходил в сторону или залезал в конуру.

Случалось, если Букет срывался с цепи и ему удавалось убежать из ограды, он резво бегал по окрестностям, смело вызывался в драку с собаками и всегда выходил победителем. Псы, которые поповали острые зубы Букета, сторонились

его и старались вовремя убежать восвояси.

Была у него и нехорошая привычка. Пробегаю мимо прохожего, букет делал вид, якобы не замечал его, прохожий терял свою бдительность и не обращал на пса внимания, а тот мгновенно мог резко развернуться и облаять, отчего человек пугался. За такие его проделки нам всегда люди высказывали справедливые упреки, и мы с братом старались привязывать его более надёжно.

Глава 7.

Первый раз в первый класс

Первый класс, первая учительница и первые школьные задания, а с ними и первые разочарования.

Вскоре в посёлок переехали моя бабушка Афанасия Исаевна со своим сыном Виктором, приходившимся матери братом, а нам с братом дядей.

Дядя Витя был инвалидом. Незадолго до их приезда мать рассказывала нам про него печальную историю. Когда они жили в деревне, он упал с большой русской печи, сильно ушибся, и это повлияло на его дальнейшее физиологическое развитие. Дядя стал калекой, по мере возраста на спине появился горб. По этой причине вырос он невысоким человеком, по нему было видно, как он от этого душевно страдал. Иногда впадал в депрессию, напивался и корил бабушку, что она вырастила его таковым.

В такие моменты жалко было смотреть на его душевные страдания. И чисто по-детски мне было очень жаль дядю, выросшего таким человеком не по своей воле. Скорее тому причиной было то, что бабушка вынужденно работала от зари до зари и домой возвращалась поздно, оттого без пригляда с ним и приключился несчастный случай, который привёл его к инвалидности.

Тем не менее дядя со временем смирился со своим положением и прекратил злоупотреблять алкоголем. Я как-то услышал от него фразу: «Что ж раскисать и унывать, надо просто жить».

Приехали они в посёлок Светлый, спившись с моими родителями. Мать помогла бабушке и брату устроиться на работу. Бабушка стала работать истопником в школьной котельной, а дядя сторожем на конном дворе. Поселились они в бараке для малосемейных людей, длинном деревянном здании с одним входом в торце здания. Барак был разделён на многочисленные комнаты, двери каждой комнаты выходили в общий коридор. В коридоре стояли бочки с водой и обувь, что

использовалась для выхода на улицу. У некоторых дверей хозяева вешали и старую одежду.

Наступило 1 сентября 1957 года. День, когда нас группой прямо из детского сада повели в школу. Я с волнением перешагнул порог здания, которое мне было малознакомо и в чём-то таинственно. Всю группу ввели в просторное и светлое помещение. Это был класс. Старенький класс, но уютный, со свежеевыкрашенными в коричневый цвет партами. Деревянная классная доска тоже была выкрашена, но чёрной краской.

Я не помню свою первую учительницу. Однако запомнилось, как мы шумно рассаживались за парты, стараясь занять места ближе к учительскому столу. Нам каждому выдали по букварю, школьному дневнику, по маленькому альбому по правописанию, на котором крупно и красиво были пропечатаны буквы и цифры, по две ученические тетрадки в клеточку и косую линейку, коробку с шестью цветными карандашами, небольшой альбом для рисования, ученическую ручку и чернильницу. Всё это имущество каждый аккуратно складывал в свои сумки.

Ранцы и портфели в то время были большой редкостью. Если у кого и были, то изрядно пошарканные, доставшиеся от старших братьев или сестёр. В основном у всех первоклашек были самодельно сшитые родителями из грубой ткани сумки с длинными ляжками, чтобы можно было носить их через плечо. Такая сумка была и у меня.

За парты усаживались мальчик с мальчиком, девочки с девочками, кто были меж собой знакомы и уже знали ближе друг друга. Я сел с Вовкой Колупаевым. Мы, довольные, переглянулись, что досталась нам вторая парта в первом от окна ряду.

— Так, дети, как вы расселись, не пойдёт, — строго сказала учительница. — Быстренько сейчас все займём места попарно, мальчик и девочка за каждую парту.

Такое замечание было неожиданным для всех. Где это видано, чтобы я, мальчишка, сел рядом с девочкой? Но все притихли — порядки здесь устанавливаем не мы. Нехотя все начали перебираться по другим местам за партами, которые уже определяла учительница. Я остался на месте, Вовку пересадили, а мне посадили девочку. В общем-то, первый школьный день на этом и закончился. Учительница показала, как правильно сидеть за партой, рассказала, в какие часы мы будем заниматься, какие будут уроки по дням недели.

— Тебя как звать? — бойко спросила меня соседка по парте.

– Сашка, – ответил я, удивившись, как она ни в чём не бывало задала мне вопрос.

– А меня Даша. Ты не будешь меня дёргать за косы?

– С чего взяла, что я буду кого-то за косы дёргать?

– Ай, мальчишки разные бывают, – поморщилась соседка.

Это было первое в моей жизни знакомство с совершенно незнакомой мне девчонкой.

Второй день в школе, а вернее сказать первое школьное задание, запомнилось мне на всю жизнь. Первым, что было в классе, нас на уроке начали учить написанию палочек. Я усердно выводил каждую закорючку на листке тетради, старался, чтобы у меня было лучше всех. Мы, я и Даша, заглядывали друг другу в тетрадки и смотрели, как у кого получается. Два или три урока в этот день прошли быстро. Каждый урок заканчивался и начинался школьным звонком, который подавался звонким латунным колокольчиком.

На последнем уроке учительница дала всем первое домашнее задание – каждому в тетрадке в косую линейку красиво написала красными чернилами в начале строк по палочке и крючочку. Мы должны были дома продолжить их написание до конца строк.

Я пришёл домой, света не было, дизельной станции ещё не наступило время дать электроэнергию на посёлок. Но так хотелось как можно быстрее выполнить первое задание учительницы. Ждать, когда появится свет, терпения не хватило, и я отправился делать уроки в котельную, поскольку в этот день дежурила бабушка.

– Ты чего пришёл-то? – спросила она меня, когда я перешагнул порог котельной.

– Уроки делать, нам в школе дали задание по правописанию.

– Так как же ты будешь делать уроки, коль свету нет?

Я присмотрел место у стола, на который из топки котла падал отблеск огня от пылающих дров. Кроме этого окно было против топки, и оно добавляло немного света. Казалось, мне было достаточно этого освещения, чтобы утолить своё нетерпение.

Бабушка только покачала головой, спичкой зажгла свечку и поставила её на стол ближе ко мне.

– И что за нетерпёж такой? Свет дадут, и дома сделал бы свои уроки.

Света, достаточного для занятий письмом, явно не хватало, однако, как я сказал, мне хотелось быстрее выполнить

Рисунок Д. Даниловой

задание. Скрипя пером, я старательно выводил чернилами закорючки. Закончив писать, промокашкой просушил чернила и сложил своё школьное имущество в сумку.

Меня всегда забавляла чернильница. Её называли ещё непроливайшкой. Потому как её конструкция была необычной, если чернильницу перевернуть, то чернила из неё не выливались.

Немного посидел с бабушкой, смотрел, как она большой металлической кочегрой поправляла горящие чурки в топке, разглядывал нехитрое хозяйство котельной. Когда я уходил домой, электроэнергию ещё не дали.

Дома был брат, родители ещё не вернулись с работы. Слабый свет уходящего дня пробивался через окно. При таком свете мы съели по булочке с чаем, затопили печку. Считалось за правило, чтобы к приходу родителей плита была готова – на ней мать обычно вечером что-то готовила на ужин и на следующий день. Мы с братом всегда с интересом наблюдали за пламенем от дров, его весёлым потрескиванием, осознавая – это тепло и уют в доме.

Имелись дома и парафиновые свечи, но зажигали их, когда становилось темно, если по каким-то причинам от дизельной станции вдруг прекращалась подача электроэнергии. На такие случаи в каждом доме посёлка всегда имелся запас свечей или керосиновые лампы.

Сидя перед свечой, мы с братом почти всегда подсаживались к ней ближе и

с интересом наблюдали за колеблющимся от нашего дыхания маленьким язычком пламени.

Свет дали! И жизнь сразу стала веселее. Лампочка зажигалась не сразу устойчивым светом, сначала мерцала то ярче, то тусклее – сказывался начальный запуск агрегата дизельной станции.

Первым делом я полез проверить свое исполненное школьное задание. Раскрыл тетрадку и обомлел. Некоторые мои наклонные палочки и крючочки шли мимо разлинованных типографских линий. Всё это явилось результатом недостаточной освещённости при их написании.

Я ужасно расстроился и не мог себя простить. «Ну, зачем я поспешил, зря не послушал бабушку, подождал бы и при свете красиво всё написал», – сокрушался я. Состояние было удручающее. Меня уже ничто не радовало. Я переживал, что учитель, увидев такое, сразу заметит во мне неряху. Брат успокаивал меня:

– Да перестань ты расстраиваться, подумаешь, в следующий раз сделаешь красиво.

«Нет, – думал я, – за такую писанину меня не похвалят». Сел за стол, достал ручку с чернильницей и стал с новых строк заново выполнять задание. Всё переделал безупречно. С облегчением я вздохнул уже на следующий день в школе, когда учительница похвалила за выполненную работу. И что странно, не указала мне на корявые первые строки в тетрадке. Вероятно, мудрость учителя не позволила устыдить меня, когда налицо было видно моё старание. Это послужило мне хорошим уроком. В дальнейшем я стал выполнять домашние задания без спешки и исключительно при достаточном освещении.

Глава 10.

Рыбалка с приключением

*Весьма увлекательна рыбная ловля,
когда хороший клёв, и как же плохо,
когда в этот процесс включается
таёжный «хозяин».*

Перед следующими выходными я Вовке Колупаеву напомнил про червей в банке и предложил идти на рыбалку, но он сказал, что не сможет – родители его заставили складывать колотые дрова в поленницу, и мы на рыбалку отправились вдвоём с братом.

На Королёвское озеро решили не идти, вроде как далековато, и направились на Пионерское.

Переправлялись на пароме через Жую. Солнце искрилось на водной поверхности, в грёбнях и в брызгах реки. Инте-

ресно было всегда наблюдать за работой парома и всплесками воды вокруг него. Паромщик большим длинным веслом, закреплённым на корме парома, поддерживал правильное положение своего плавучего судна относительно течения реки, благодаря чему паром по натянутому канату передвигался на другой берег. С нами на пароме переплывала лошадь, запряжённая в телегу.

Лошадь, видимо привыкшая к частым переездам по реке, спокойно стояла и совершенно не обращала внимания на окружающих людей и небольшую качку. Только иногда своим длинным хвостом она обхлёстывала себя сзади от назойливых мух и оводов. Хозяин лошади, опёршись на перила парома, курил самокрутку и разговаривал с каким-то дедом.

Наконец паром приткнулся к причалу.

С берега вышли на дорогу, что вела на аэродром. На развилке свернули влево на тропу к озеру. Солнце уже было на склоне дня. У озера стояла тишина, ни единого шороха камыша или всплеска воды. Вода спокойной гладью, в которой отражался небосвод, замерла, словно огромное зеркало.

– Вот здорово! – воскликнул брат. – Никого из рыбаков нет.

– А может, были, не клевало, и ушли, – предположил я.

– Смотри, где обычно костёр палаят, ни головёшек, ни золы нет, значит, не были.

Каждый размотал свои удочки с плашек и концы лесок примотали к удилицам. Зная в этом месте дно озера, сразу отрегулировали поплавок и крючок относительно глубины. Наживку из червей насадили на крючки и сделали первые забросы. К удивлению, клевать стало сразу, будто рыба только и ждала нашего прихода. Приятно было видеть и ощущать, как неожиданно поплавок уходил в воду. Плавным рывком я потащил удилице на себя.

– Смотри, какого крупного голяна поймал! – громко воскликнул я.

– Тихо ты. Чего орёшь-то? Всю рыбу распугаешь, – заворчал на меня брат.

От нахлынувшего восторга я и забыл, что на берегу нужно сидеть тихо.

Далее рыбачили молча, лишь иногда вполголоса переговаривались о чём-либо. У меня через некоторое время клёв как отрезало. У брата выходило ловчее, он вытаскивал голянов одного за другим, попались ему и два ерша. Я завидовал ему, что на его наживку рыба идёт лучше. Подходил к нему, смотрел, на какой глубине у него крючок от поплавка, как он насаживает дождевого червя, как взмывает удилицем.

– Ты чего всё вокруг меня крутишься?

Лови на своём месте или давай я пойду на твоё, а ты становись здесь, – возмущался брат.

– Конечно, давай, – воодушевился я, предполагая, теперь-то у меня дела пойдут как надо.

Мы поменялись местами, но ничего ожидаемого для меня не произошло. Брат так же успешно ловил теперь на моём месте, а у меня клевалось лишь изредка, при этом либо рыба срывалась, либо поедала наживку, и приходилось нанизывать заново. Брат проворчал:

– Рыбачить не умеешь.

От этого упрёка мне стало немного обидно.

– Сам-то недавно научился ловить, – парировал я. – Малявок-то умеешь, а вот крупную рыбу, не сможешь.

– А какая разница, крупная или мелкая. Когда клёв есть, она любая хватает, когда голодная.

Вдруг с другой стороны озера послышался шумный всплеск воды. Мы враз замерли и глянули на противоположную часть озера. Какое-то животное вошло в воду и начало барахтаться у берега.

– Да корова чья-нибудь забрела напиться, – предположил брат, продолжая наблюдать за поплавком.

Я внимательно присмотрелся. Никакая не корова, а самый что ни на есть настоящий крупный зверь. Мурашки пробежали у меня по спине.

– Какая корова?! – воскликнул я. – Смотри, медведь купается, бежим отсюда!

Брат, как мне показалось, не настолько отреагировал на это и даже как-то безразлично, что меня немало удивило.

– Ну и лещий с ним, подумаешь, медведь, он же не побежит или не поплывёт к нам, а если и поплывёт, то мы успеем убежать до паромы, – сказал он, пристально наблюдая больше за поплавком удочки, чем за действиями медведя. – Они осенью неголодные, зачем мы ему, они же тоже людей сторонятся.

Меня поражало спокойствие брата.

– А может, он не поплывёт, а оббежит по берегу? Ну, уж нет, давай, собираем удочки и бежим, – не унимался я.

Медведь, видимо, затеял вечернее купание. Он так шумно увлёкся своим делом, что волнение воды невысокими волнами начало доходить до нашего берега. Вот только после этого брату передались мои опасения и страх.

– Ну, бежим, а то и на самом деле, кто его знает.

Сорвались с места, наспех обмотав лески вокруг удилищ.

– На пароме смотаем на плашки, – на бегу бросил я.

На берег прибежали быстро. Стало смеркаться. К большому сожалению, паром раньше обычного времени закончил свою работу. В эти минуты осознали одно, что мы на берегу, хоть и домов здесь мало, но всё-таки они есть, и рядом люди. В крайнем случае, если появится медведь, забежим в чью-нибудь хату.

Медведь нас не преследовал, и это нас успокоило. Да и вряд ли он мог появиться. Только в неурожайные годы медведи иногда подходили к посёлку, или пожары в тайге выгоняли их к людям.

Успокоившись, я ощутил вдруг боль на левой ноге. Оказывается, пока я бежал, крючок впился глубоко под кожу, а боли не ощущал из-за нахлынувшего на меня возбуждённого состояния. Ранка кровоточила, отчего кровь тонкой струйкой сбегала по ноге.

На берегу был один лодочник, который сидел на корме своей лодки и вычерпывал банкой из неё воду. Брат подошёл к нему и попросил, чтобы нас перевезли на правый берег. Мужик оказался по своей натуре человеком покладистым, к тому же заметив мои страдания, согласился.

Ещё сидя в лодке, когда перевозчик грёб веслами, я, преодолевая боль, извлёк крючок из ноги. Мы рассказали лодочнику о случае на озере, и он, кивнув в мою сторону, пошутил:

– Крупную ж ты рыбину на свой крючок изловил, так неосторожно можно и за щеку себя поймать, – удивился он и добавил, рассмеявшись: – А что же ты на медведя крючок не закинул? Вот улов был бы.

Поскольку мы с братом были уже в безопасности, слушал я перевозчика спокойно и даже улыбнулся его шутке, несмотря на ранку на ноге, которая отдавала болью.

Нас перевезли. Мы поблагодарили лодочника и направились домой.

Дома мы с братом наперебой рассказывали родителям о медведе и пережитом страхе.

Мать промыла мне ранку и смазала её йодом и нам с братом строго-настрого наказала, чтобы мы больше одни, без мальчишек, на рыбалку не ходили.

Отец пошутил:

– Ну, рыбак, давай теперь штаны суши. Страху-то натерпелся, поди?

– Да они у меня и немокрые, – поясnil я, и все засмеялись.

Когда все рассмеялись, я понял смысл обращенной ко мне фразы, и мне тоже стало весело.

В школе я без умолку рассказывал всем о приключении на озере. Чтобы при-

украсить историю, я сочинил, что медведь поплыл к нам и был уже на середине озера, он громко рычал, фыркал от воды, немало наведя на нас страху, и пока он не доплыл до нашего берега, мы успели добежать до Жуи.

Мальчишки слушали, переспрашивали, уточняли: а большой ли, а какого цвета, долго ли рычал, быстро ли плавает медведь?

Чтобы ещё больше придать этому случаю значимость, на все их вопросы у меня были надуманные захватывающие ответы.

Мне казалось, Даша больше всех восхищалась моим «героизмом», всё же не кто-то, а именно я, её сосед по парте, побывал в такой переделке и остался жив.

Глава 11.

Кто кого

Домашнюю живность содержат для удовлетворения потребностей, но порой эта живность устраивает и казусы своим хозяевам.

Снег, который повалил в первых числах октября, уже не растаял, заморозки не отступали, и зима вошла в свои полные права.

Но зиме поселковая ребятня тоже радовалась, это возможность позабыться выпавшим снегом. Мы кидались снежками, лепили снеговиков, строили окопы и заграждения, которые использовались в наших военных играх. Когда выпадало уже больше осадков и начинались морозы, ребята собирались и сообщая катались на санках.

Санки в основном были у всех самодельные – либо целиком деревянные, либо полозья железные, а сиденья дощатые. Настоящих лыж почти ни у кого не было, а делали сами из боковин от древесных бочек. Они получались короткими, но всё же позволяли кататься с горок. К ним просто прибивали с боков петли из кожи или брезентовые ремни, чтобы в них можно было всунуть валенки. Коньки были тоже редкостью. Обычно это были «снегурки» с очень загнутыми носками. Эти коньки накручивались короткими палочками на бечёвки к валенкам.

Из зимних потех нравилось нам катание на санках «поездом». Это перед спуском с горы мы выстраивались в колонну один за другим. Каждый ложился животом на санки и руками брался за вперёдстоящие санки или за ноги товарища, и так в цепочку один за другим.

Иногда в этот поезд на какие-либо сан-

ки ставили большую картонную коробку и попеременно усаживались в неё. Сидя в коробке, каждый ощущал, будто он едет в вагоне. Некоторые не соглашались залазить в «купе» из-за того, что из него не было видно происходящего вокруг. После таких аттракционов возвращались мы домой всегда в снегу и мокрые, и это вызывало иногда недовольство родителей.

Почти в каждом дворе посёлка держали свиней, устраивали забой животных. Как правило, происходило такое к ноябрьским праздникам. Забивали скотину кто для запасов мяса на зиму, кто на продажу, кто для того и другого, если держали несколько хрюшек.

Все торопились в первые числа ноября управиться с тем, чтобы успеть приготовить из свеженины что-нибудь к праздничному столу.

Хозяева, если сами не брались за забой скотины, то зывали мужиков, имевших в этом сноровку. Для таких умельцев в такие дни работы было полно, отчего они получали выпивку и в придачу от хозяев кусок свеженины.

Отец у нас сам не колол свиней и всегда звал кого-либо на такой случай. В преддверии этого ноябрьского праздника он как обычно пригласил для забоя борова знающего мужика.

Мы наблюдали с братом, как взрослые участвовали в этом длительном процессе. Со знанием дела опаливали и разделывали тушу.

Запомнился с того времени вкус домашней колбасы. Мать всегда очищала кишки, тщательно их промывала, наполняла их кровью, смешанной с гречкой, отваривала. Делали колбасу и мясную, наполняя очищенные кишки переработанным на кусочки или через мясорубку мясом и салом с чесноком и другими специями.

Заготавливали родители на зиму и свиное сало. Срезанное с туши нарезали его пластинами и на куски, солили с чесноком и лавровым листом и закладывали в деревянный бочонок. Как только оно засаливалось, бочонок выкатывали в холодную кладовую, из которой в течение зимы и доставали этот продукт к столу.

В этот раз мы с братом не стали дожидаться, когда закончат разделывать в нашем дворе тушу и начнётся застолье под свеженину, а отправились бродить по посёлку, чтобы чем-то себя занять.

В предпраздничные ноябрьские дни можно было видеть или слышать в посёлке визг забиваемых свиней, но это нас мало удивляло, да и в чужие дворы заглядывать не хотелось. Забой свиней, коз, кроликов – дело обыденное и малопривлекательное.

Мы вышли на конец нашей улицы, когда одноклассник брата, Митрохин Димка, окликнул нас:

– Пацаны, хотите глянуть, как быка забивают?

– Хотим, – не раздумывая, ответили мы. – А где?

– Да у нас, прямо в огороде, побежали быстрее! Отец меня со двора прогнал, иди, говорит отсюда, не мешайся, а мы через изгородь посмотрим.

Запомнившимся стал этот день, поскольку забой быка впечатлил нас своим комедийным исходом. А дело было так.

Когда мы подбежали к изгороди, Димкин отец, Сергей Павлович, и ещё двое его напарников уже выводили из стойла быка в огород. Мужики, знакомые Сергея Павловича, как раз и были приглашены помочь ему в этом деле.

– Петро! – окликнул Митрохин одного из них. – На, бери вожжи и привяжи быка к столбу.

Посередь огорода стоял столб, на котором на изоляторах были закреплены электропровода. Столб был ветхим, но всё же исправно служил по своему назначению.

Мужик, которого называли Петром, стал привязывать быка накоротко, чтобы его голова не слишком моталась у столба.

– Митрич, – обратился Петро к своему напарнику, – как бить-то будем из берданки или колоты?

– Какая берданка, привязывай накрепко, обухом по башке, а тут уж я его успокою, – уверенно заверил Митрич, хлопнув ладошкой по голенищу сапога, под которым, вероятно, находился нож.

Мы знали, крупных домашних животных, как и мелких, люди содержат и выращивают для потребностей своего существования, но каким образом они поступают с забоем крупных особей, ни разу нам не представлялось увидеть. Отчего любопытство нас просто распирало.

Митрич – мужик рослый, плотного телосложения, я ещё про него подумал: «Такой и железный лом согнуть может».

– Митрич, а может, из ружья было бы надёжней? – спросил Митькин отец.

– Да не суетись ты, Серёга, всё будет, как надо. Ты бы лучше кувалду подал мне.

Митькин отец принёс из сарая увесистую железную балдушку и передал её Митричу.

Митрич в руках вертел кувалдой, словно игрушкой, как бы принаравливался к ней для удара.

– Однако надо что-то подставить повыше, сверху ловчее ударить можно будет, – вслух рассудил он.

– Ящик подойдёт? – спросил Митрохин.

– Пойдёт, отчего не пойдёт-то, только покрепче, чтоб меня выдержал.

Сергей Павлович принёс из того же сарая небольшой, но крепко сколоченный из досок ящик и поставил его перед быком. Митрич поправил ящик, как было удобней, и взобрался на него. Сплюнул себе на ладони и крепко вцепился в рукоять кувалды.

Мы, затаив дыхание, наблюдали за происходящим. Бык стоял спокойно, по нему было видно, что он и не подозревает, по какому поводу вокруг него такая суета и зачем это вдруг перед ним взгромоздился мужик-здоровяк.

– Э-э-эх! – воскликнул Митрич, и со всего маху кувалда понеслась прямо на голову бедного животного. Мы замерли. К нашему изумлению, дальнейшее в огороде Митрохиных шло не по задуманному мужиками сценарию.

В момент, когда Митрич опускал с размаху кувалду для нанесения удара, он пошатнулся на ящике, и кувалда приложилась по рогу быка. Рог отлетел в сторону. Бык от внезапной боли взревел и рванулся что есть силы. Вожжи были прочными, но со второго рывка он всё же их порвал и вместе с этим завалил столб. Столб был, вероятно, настолько прогнившим у основания, что не выдержал и надломился. Верхний его конец остался висеть на проводах, почти касаясь земли.

Получив свободу, бык на мгновение замер, как бы соображал, что с ним произошло.

Мужики же от неожиданного исхода опешили и раздумывали, как быть далее.

Бык оглядел своих обидчиков, мотнул головой и с места рванул прямо на них, определенно направляя свой единственный оставшийся на голове рог к намерению посчитаться с мужиками.

Все трое кинулись разом прятаться в сарай, но двери за собой они закрыть не успели, да и это всё равно бы их не спасло. Бык видел только свою цель и, не обращая ни на какие препятствия, влетел через дверной проём в сарай вслед за ними. Сарай был старый и явно не выдержал массы взбешенного животного, отчего жалкое строение сразу частично разрушилось.

Мы удивились, когда трое мужиков, чудом оставшись не помятыми быком, через мгновение выскочили из полуразрушенного сарая и со всей прыти бежали к изгороди огорода, где стояли мы и наблюдали за происходящим. Они смешно бежали, поднимая высоко свои ноги.

– Говорил же, давай из ружья! – на бегу кричал возмущённый Димкин отец.

Было потешно смотреть, как трое взрослых людей, обгоняя друг друга, рез-

во бежали по огороду, при этом их лица выражали испуг и неимоверное желание как можно быстрее скрыться с глаз разъяренного животного.

Словно профессиональные спортсмены по преодолению препятствий, лихо все трое перемахнули через забор. Оглянулись, оценивающе стали рассматривать поваленный столб и разъяренное животное.

Бык ещё не выбрался из сарая, если можно было его назвать сараем, потому как крыша жалкого строения висела уже на его хребте. Он ревел, мотал головой из стороны в сторону и яростно бил ногами, освобождаясь от досок. Не видя своих обидчиков и, по всей вероятности поняв, что они скрылись и ушли от возмездия, бык в гневе взревел от досады и негодования.

Сергей Павлович со своими друзьями обратили на нас внимание, когда уже отдышались. Мы оценили силу быка, который налицо одержал победу над неудачниками, и это нас радовало и забавляло. Кто кого одолел в этой схватке, было понятно всем. Мы не сдержали своих эмоций и расхохотались.

– А ну, кыш шпана отседова! Цирк нашли тут разглядывать! – прикрикнул на нас Митрич.

Мужики явно были возбуждены, досада переполняла их, и мы, чтобы нам не влетело под их горячую руку, удалились. Было ясно, бык не только испортил им настроение, но к тому же сломал сарай, свалил столб, отчего его надо было срочно восстанавливать, потому, как на нём висели провода электроснабжения дома Митрохиных, а может, и даже домов всей улицы.

Этот эпизод я услышал в поселковой бане примерно через неделю. Сосед Митрохиных Перевалов, известный в поселке балагур, под общий хохот собравшихся в предбаннике мужиков рассказывал, но уже с прибаутками о произошедшем случае в огороде Митрохиных. Он, по всей видимости, был тоже свидетелем происходящего, мы тогда его просто не приметили. Его рассказ, обросший складно надуманными байками, походил на сплошной анекдот, отчего все, кто его слушал, смеялись от души, представляя себе, как бык гонял по огороду своих обидчиков с желанием отомстить им за сломанный рог.

Глава 14.

Дойка – дело серьёзное

Попробовать подоить корову – дело интересное, но малоперспективное, если нет каких-либо навыков.

Бегство от разъяренного быка.

И всё же, когда наступил следующий день, мы трое, без моего брата, решили попробовать подоить корову, уж больно хотелось испытать судьбу и хлебнуть бесплатного парного молочка. Мы понимали, дело это необычное, всё-таки не за морковкой в чужой огород залезть. Вооружились стеклянной банкой и куском марли, чтобы в случае удачной дойки через неё процедить молоко, как мы не раз видели, делали хозяйки.

Коров выводили на пастбище рано. Пастух, присматривавший за стадом, всегда был один, за ним вечно увязывалась маленькая безобидная собачонка. Она ни на кого и никогда не лаяла, а только дружески повивливала хвостом, поэтому угрозы от неё мы и не ждали. Стадо всегда возвращалось в посёлок к вечерней дойке. Сытые коровы шли неспешно, неся каждая своё вымя, наполненное молоком. По мере движения стадо уменьшалось, поскольку коровы расходились по своим дворам. Хозяева встречали их у ворот, запускали в стойла и готовили к дойке.

Время выбрали мы такое, чтобы успеть до того, как пастух поведёт стадо обратно в посёлок.

Коровы паслись по всему лугу, лениво щипали сочную молодую траву. Пастуха со своей собачкой почему-то не было видно. Вероятно, он куда-то отлучился.

– Ну, чего, пацаны, пока нет пастуха, давайте пробовать, – призвал нас Славка. – Вон та, смотри, какое у неё уже вымя большое, аж молоко капает, давай, Сашка, – обратился он ко мне, – бери банку и за соски её.

– Э, нет, – возразил я. – Я же сразу говорил, первым доить не буду, да и корову боюсь, уж больно большая она какая-то.

– Ладно, давай я, вот ту, что поменьше будет, – предложил Вовка.

Я передал банку Вовке, и он медленно стал приближаться к выбранной им кормилице.

Корова перестала щипать травку, насторожилась и косо посмотрела на Вовку. Когда Вовка вплотную приблизился, корова недоверчиво отошла от него. Вовка вновь приблизился к ней, присел к её животу и протянул руки к вымени. Но как только он дотронулся сосков, корова брыкнулась, дав понять, что к себе она никого не собирает подпускать. Вовка испуганно отскочил.

Пробовали поочередно, правда боязливо, и мы со Славкой, но желаемых результатов никто из нас так и не достиг.

– Ничего у нас не получится, – нако-

нец сдался Славка. – Эти коровы признают, видимо, только своих хозяек.

Появился неожиданно пастух, мы даже и не заметили, откуда он вышел, то ли со стороны лесочка, то ли стороны посёлка.

– Чего это вы тут промышляете? – осторожно спросил он нас. – Никак молочка дармового захотелось? Долго думали-то?

Мы сконфузились, нам стало стыдно. Не могли понять, как это пастух мог догадаться для чего мы здесь? Ведь он не видел, чем мы занимались в его отсутствие. А может, и видел, но мы, увлечённые затеей, его просто и не заметили.

– С банкой-то по весне, с посудой в лесу-то делать нечего, да смотрю, марлю ужо приготовили, – как бы отвечая на нашу незадачливость, пояснил пастух.

– Да нет, дяденька, мы за берёзовым соком... – начали оправдываться мы.

– Ладно, ладно байки-то мне рассказывать, видал я, какой вы берёзовый сок хотели нацедить из-под коровы, тоже мне, дояры моложавые.

Мы возвращались в посёлок, шагая за стадом коров, не обгоняя и не отставая от него. Спешить было некуда. Пастух более не обращал на нас внимания, он только шёл и что-то иногда бурчал на впереди идущее стадо.

В посёлке бурёнки начали самостоятельно расходиться по дворам. На нашей улице, когда уже последняя корова зашла в свою калитку, неожиданно для нас из переулка вышел большой тёмной масти бык.

– Смотрите, бык идёт, какой здоровый, – с опаской заметил я.

– Откуда он взялся? – недоуменно заметил Славка. – В стаде его не было, может, со двора какого-то вышел, а может, это с фермы?

– Точно базовский! – воскликнул я. – Смотри, кольцо какое у него в носу торчит.

Бык, действительно, был с поселковой фермы. На вид крупный, с большой головой и массивной шеей. Как он оказался на нашей улице, непонятно, возможно, пастухи проглядели его, когда стадо гнали с пастбища в коровник.

Быка этого мы не раз видели с мальчишками, встречая, обходили стороной, от греха подальше. Взрослые нам объясняли, что железное кольцо, вздетое ему в нос, это на случай, если он взбесится, тогда человек хватает его за кольцо и, якобы держа за него быка, можно было побавить его пыл и вести куда нужно или увернуться и спастись. Мы этому и верили, и не верили, так как не представляли себе, как практически можно схватить

разъярённого быка за кольцо и какие отсюда могли быть последствия.

– А дай-ка я ему из рогатки стрельну по заднему месту, – оживился Славка.

И не дожидаясь, одобрил мы или нет его глупую затею, вытащил из кармана рогатку, что зачастую была с ним. Поднял с дороги подходящий камушек, вправил его в рогатку, натянул резинку, и «снаряд» полетел. К нашему несчастью, камушек попал туда, куда целился Славка. Бык резко встрепенулся от внезапной боли и недовольно взревел. Мы опешили.

– Ты чего натворил! – враз я и Вовка зашумели на Славку. – Он же сейчас кинется на нас!

Предположение подтвердилось, и животное не заставило себя ждать. Были видны явные намерения быка, что он так просто не оставит эту хулиганскую выходку, потому как резко вздыбился и развернулся в нашу сторону.

Дальше всё происходило, как в уско-

Рисунок Н. Ромашевой

ренном кино. Бык резко кинулся к нам. Спасаться от него бегством по улице было бессмысленно, он настиг бы нас сразу. Открыть калитку какой-нибудь ограды мы тоже не успели бы. Наше сознание одолевала одна только мысль: «Что делать?! Куда спрятаться?!».

Времени на раздумья не оставалось. Все трое мгновенно сообразили, где наше единственное спасение. Мы увидели стоящий непосредственно на улице и недалеко от нас сложный из свежего кругляка сруб бани.

Сруб, основанием которого служили большие деревянные чурки, уже был выложен венцами до нужной высоты. Тот, кто плотничал над постройкой, обрабатывал древесину и подгонял брёвнышки на улице. Помечал каждый венец, пронумеровывал их последовательность. Потом разбирает сруб и переносил с улицы в свою усадьбу или продавал на заказ кому-либо в посёлке, где уже собирали баню по меткам. Эта конструкция по каким-то причинам ещё не была пронумерована.

Сруб стоял против двора Харитоновых и принадлежал им. Харитоновы жили через три усадьбы от Славкиного дома.

Бык галопом бежал за нами. Его разбушевавшаяся ярость отразилась в нас необыкновенным страхом, который вихрем гнал нас к спасительному срубам.

Разом все трое мы проскользнули под временное строение и притихли. Бык, завидев, что мы в этом срубе, яростно начал бодать своими крепкими рогами наше укрытие. Венцы под его мощным нажимом сильно шевелились, поскольку не были скреплены ни гвоздями, ни шкантами.

– Пацаны, давайте с другой стороны вылезем и через забор в ограду Харитоновых, – предложил Славка.

Предложение нам понравилось. Немедля, мы так и сделали, и это было своевременным. Несколькими секундами позже, как мы покинули своё убежище, бык несколько раз боднул сруб и напроць развалил его. Он на мгновение замер – или удивило его шумное разрушение сруба, или озадачило отсутствие обидчиков в развалившемся строении. Тут же начался его новый приступ ярости. Бык бил ногами землю и в конце концов своей массой умудрился завалить часть изгороди двора Харитоновых.

Харитонов Илья Иванович выскочил из дому.

– Ах ты, животное, драная! Ты, что сдурел, что ли?! – с досадой кинулся кричать на быка Харитонов. – Что ж ты наделал-то?!

Через окно дома высунулась жена Харитонова и заголосила:

– У-у, ирод проклятый! Да откуда ты взялся? Ты глянь-ка, Илья, вот делов натворил-то дурень этот рогатый! Ой-ёй-ёй... С чего он так разбушевался-то? Ты смотри, Илья, близко к нему не подходи, посему видать бык с ума сошёл...

– Да уж вижу, больно резвый какой, – отозвался Харитонов и присмотрелся к «хулигану». – Так это же Гоша, базовский бычина! – удивился он.

Илья Иванович отступил во двор и стал ждать, что же бык будет делать дальше. Мы спрятались за сараем с дровами во

дворе Харитоновых и нас не видели ни бык, ни сами хозяева двора.

По намерению Харитонова было видно, он решил обезопасить себя от вероятного нападения быка, хотя понимал, никакое орудие ему в таком деле не поможет. Он, как и все в посёлке, хорошо знал нрав этого животного. Илья Иванович подошёл к сараю, за которым мы прятались, взял на всякий случай не сильно длинную, но толстую палку и, не приближаясь к быку, заворчал на него:

– Ну, Гоша, давай шагай отсюда, давай, давай, по-хорошему. Пошумел и ладно. Посмотри, делов-то наделал сколько, весь сруб к едрене-фене раскидал, гордобу завалил, работы сколь мне наделал.

Бык то ли оттого, что боль утихла, то ли от спокойных слов Харитонова, то ли от отсутствия своих обидчиков постепенно сменил своё настроение, нервно повернулся задом ко двору Харитоновых и замер в раздумье. Так стоял он несколько минут, не предпринимая никаких действий, вроде как о чём-то размышлял.

– Ну, давай, давай, Гоша, иди до дому. Тебя уж потеряли, наверное. Твоим хозяевам-то расскажу, приведу сюда их, пусть посмотрят на твою работу, может, и шкуру с тебя спустят.

Бык ещё несколько раз недовольно проревел, и тихим шагом направился вдоль улицы. Все зеваки и прохожие, наблюдавшие необычную картину, разбежались по дворам, чтобы не попасться на глаза Гоше.

Как только Харитонов вернулся в дом, мы выскочили из своего укрытия и через сломанную изгородь прошмыгнули на улицу. Только здесь мы перевели своё дыхание.

– Ты балда, Славка, – возмутился Вовка.

– А что, вот не было бы сруба, и завалил бы бык нас, – поддакнул я. – Хорошо хоть Харитонов не знает о нас, а то бы от родителей влетело.

– Да ладно, пацаны, откуда я мог знать, что бык так разбуянится, да и не думал, попаду ли в него.

– Башкой надо думать, – ответил Вовка. – Тебе бы из рогатки пулень по заду, посмотрели бы мы на тебя.

– Надо было тебя вытолкнуть из-под сруба, чтобы ты этого быка за кольцо поймал, глядишь, и успокоил бы его, – пошутил я.

– Ага, тогда бы он Славку на своих рогах точно по всему посёлку прокатил бы, – рассмеялся Вовка.

Славка виновато насунил:

– Ладно, чего вы наезжаете на меня, больше не буду. Я этого быка теперь за

километр оббегать буду, – и тут же заявил: – Вот я даже свою рогатку выброшу.

Эту рогатку Славка действительно при нас сломал и выбросил, но через некоторое время я увидел у него уже другую, правда, я больше не замечал, чтобы он из неё стрелял по животным и птицам, главной мишенью его были жестяные и стеклянные банки.

Этот эпизод сразу же напомнил мне случай, когда мужики убегали от быка в огороде Митрохиных. Только в подобной ситуации оказался я сам.

Глава 20.

Дядя Ваня

В нашей семье появился отчим. Такое событие мною воспринялось неоднозначно, кое-что изменилось и в моей жизни, я чуть повзрослел. Наконец-то я увидел настоящую шахту.

Вскоре после рыбалки на Торбеевском озере за ужином мать со мной и братом завела необычный разговор.

– Как жить-то будем? – спросила нас мать.

– Как жить? Как живём, так и будем жить, – ответил брат.

– Отец-то не вернётся. Вот опять письмо пришло из деревни. Пишут его родители, часто выпивает, денег нет, да и сам уж им сказал, даже и были бы деньги, он не поехал бы сюда, к нам в посёлок, говорит, только одни муки для нас от него.

Мы с братом посмотрели на мать. Её сообщение, что отец никогда не вернётся, не будет жить с нами, нас удивило и расстроило.

Мать продолжала:

– Трудно нам без мужчины в доме, много ли я получаю, сводим концы с концами.

– Ну, мы же подрастём, работать будем, – стали мы успокаивать мать.

– Вам ещё учиться нужно, вырасти, а сейчас и кушать надо, и одеваться надо, какое-никакое хозяйство содержать надо, дрова, то да сё, дел-то много, – вздохнула, немного помолчала и как бы осторожно обмолвилась: – Ко мне всё пристаёт мужчина один, просится с нами жить...

– Какой мужчина, как с нами жить, вместе в нашем доме? – удивились мы, сразу забыв про перечень забот, к которым мать прибавляла слово «надо».

– Узнал, что я одна с детьми живу. Приходит часто в телефонку, говорит, надоело бобылём жить, работает на старании, не пьёт, не курит, жалуется на одиночество когда приходит всегда домой с работы, поговорить даже не с кем, живёт один

в комнате общежития. Я ему говорю, ведь стыдно перед людьми, да и с детьми не советовалась. Он меня уговаривает, дескать, жизнь у каждого своя, и кому какое дело до других. А с детьми, сказывал, он бы и сам поговорил, прямо не знаю. Что вы ответите на это?

Мы молчали, «переваривали» услышанное. Для нас это было неожиданностью. «Как это чужой человек, которого мы даже и в глаза не видели, хочет с нами жить? Каков этот человек, как он будет воспринимать нас, как мы будем относиться к нему, а как звать-то мы его будем, если случится такое? Он же не папка нам...» – такие мысли закружились в моей голове.

Что мы могли ответить на это матери в свои детские годы? Как могли мы ей советовать или возражать? Она взрослый человек, видит наши семейные проблемы шире, да и такое серьёзное дело нужно решать, наверное, ей самой.

Этот разговор закончился ничем. Мы с братом не ответили ничего ей на это. Мать, вероятно, раздумывала: правильно ли сделала, обратившись к нам за советом, или надо было просто привести в гости этого человека и познакомить его с нами, а в процессе беседы обсудить столь щепетильную тему. Трудно сказать, о чём она размышляла в этот период, впоследствии никогда она нам не говорила об этом. Может, она и сожалела об этом разговоре, а может, наоборот, узнав нашу реакцию, обдумывала, как ей поступить далее.

Как бы то ни было, незнакомец, а это был Иван Петрович Гатиллов, через несколько дней вместе с матерью пришёл к нам в дом. Поздоровался. Достал пакет со сладостями, положил их на кухонный стол и присел на табуретку.

Мы с братом разглядывали чужака. Высокого роста, чисто выбрит, от него доносился слабый запах одеколона, одет был в светлую рубашку, поверх которой сидел на нём серый костюм. Он, чувствуя наше внезапное замешательство, решил разрядить обстановку.

– Давайте познакомимся, меня зовут дядя Ваня, – и как это полагалось при знакомстве, подал нам попеременно руку. Мать стала хлопотать у печки и временами бросала взгляды на наше складывающееся с дядей Ваней отношение.

Разговор особо не клеился. Мы с братом стеснялись присутствия чужого человека, потому как знали, это как раз тот дяденька, о котором говорила мать и который хочет жить вместе с нами, быть нашим отчимом. Мы ничего не спрашивали у нового знакомого, только отвечали на его вопросы, как учимся, чем занима-

емся, где рыбачим, хорошо ли живётся нам в посёлке.

За ужином разговор происходил, в основном между матерью и дядей Ваней, которые говорили о перспективе посёлка и о работе. Смысл их разговора сводился к теме о постепенном снижении объёмов работ на прииске, об отработке основных участков, часть которых уже готовы к закрытию.

После ужина дядя Ваня поблагодарил мать за чай и, прежде чем попрощаться, обратился к нам:

– Ребята, а вы не будете возражать, если я к вам перейду жить? Жить будем дружно, обещаю.

Мы стеснительно промолчали, не зная, как ответить на столь непростой вопрос.

Дядя Ваня ещё два-три раза наведывался к нам в гости, а примерно через десяток дней неожиданно он пришёл в дом, в руках держал большой коричневый чемодан.

– Это всё моё богатство, – сказал он и поставил у порога вещи. Взглянул на мать, потом на нас с братом и спросил: – Не прогоните?

Мы с братом молчали.

В общем, с этого времени мы стали жить в нашем доме уже вчетвером. Вольно или невольно начали привыкать к дяде Ване. Больше чтобы не обидеть мать, мы с ним всегда поддерживали разговор, но при этом лишних вопросов не задавали.

С приходом дяди Вани жизненный уклад в нашей семье, конечно, стал другим. Присутствие в доме отчима изменило наше общее взаимоотношение. Мы с братом первое время стеснялись дяди Вани, но постепенно к нему привыкли, где-то в душе, наверное, чувствовали необходимую надобность мужчины рядом. Возможно, это чувство потребности в сильном и уверенном человеке сказывалось из-за отсутствия рядом нашего отца. Отца, которого какой бы он ни был, мы знали как главу семейства, физически сильного и родного. А теперь вот отчим, не родная нам душа, но видели в нём неплохого человека и поэтому мы с братом смирились со своим положением.

Так уж получилось, я вместе с братом поселковую баню не посещал. Мать боялась, что без пригляда взрослого мы можем баловаться и случайно ошпариться кипятком. Поэтому брат мыться ходил один. Меня же мать всегда водила в баню с собой, в женские дни, почти до тех пор, как появился отчим. Я меньше мылся, а больше с искренним любопытством разглядывал женщин, которые нагишом набирали в тазы воду, мылили себя мочалками, обливались водой. У них всё было

необычно. Их колеблющиеся груди, отсутствие мужских достопримечательностей вызывало во мне удивление.

– Я смотрю у вас мальчонка-то уж больно любознательный, – как-то однажды обратилась одна из женщин к матери. – В присутствии такого и мыться как-то неудобно.

– И то правда, пора б уж и не водить в женскую баню, такого мальчика большеенького, – встряла в разговор другая.

Мать смутилась и пообещала не приводить меня с собой в баню. С тех пор банные дни для меня, как и у брата, стали самостоятельными. Значит, я повзрослел.

С приходом дяди Вани наши посещения бани уже стали с взрослым. Мать собирала всем бельё, и мы втроём шагали, как говорил дядя Ваня, на «санитарную профилактику». Я страшно не любил, когда отчим хозяйственным мылом намазывал и тёр мне голову, отчего пена, попадавшая в глаза, пощипывала их, а это для меня всегда было делом неприятным. Зато я каждый раз с нетерпением ждал завершения банного процесса, потому как после мытья мы с братом всегда получали по кружке вкусного прохладного кваса.

С появлением в нашей семье отчима мы с братом как-то посетили и шахту. Дядя Ваня не отказал в просьбе посмотреть подземные работы и удовлетворил наше любопытство.

В шахту мы стали спускаться по наклонной выработке. По мере продвижения по штольне мы ощутили прохладную влажность. Нас окружала крепь выработок, древесина которой с годами стала коричнево-чёрной и сырой.

От штольни шла главная выработка, от которой были пройдены забои. В забоях работали люди. Кайлили породу, грузили в тачки и катили их по выработкам наружу. Здесь, на поверхности, эти тяжёлые тачки вываливались в бутары, в которых и промывали эту породу. Вода, что шла через бутары, разжижала породу оттого, что рабочие скребками и лопатами расшевеливали золотиносные пески. Мелкие частицы породы смывались и грязным потоком уходили, освобождая место в бутаре. Камни же рабочие убирали вручную лопатами, чтобы они не мешали процессу промывки.

Находясь в забое, мы ощущали, будто находились в каком таинственном подземелье, со специфическим запахом земли и исходившей от неё прохлады. Нас пугало, а вдруг крепь не выдержит и обрушит окружающие нас выработки.

Свет от небольших электрических лампочек, висевших на почтительном расстоянии друг от друга, слабо освещал это ис-

кусственное подземелье и путь, по которому вёл нас отчим. Мы смотрели, как закончив работы на бутаре, один или двое рабочих доводили образовавшиеся шлихи до получения золота. Вся бригада гуртом наблюдала, сколько же за смену они намыли драгоценного металла. Тут же просушивали золото над огнём на металлическом противне, взвешивали его и ссыпали в завинчиваемую банку. Мужики стояли и рассуждали, какой куш каждый может получить от добытого намыва, сдав его в золотоскуп.

В этой шахте приисковые горняки уже не работали, шахта была законсервирована, как нерентабельная. А работали в ней старатели, добывая драгоценный металл, при сдаче которого прииск платил им деньги. Если кто говорил, мол, работает на старании, значит, это он трудится в бригаде старателей.

Надо сказать, шахта номер три, которую мы и посетили, наверняка была ранее богатой по содержанию золота. И даже после её отработки старатели трудились и, видимо, были довольны своим заработком.

Глава 21.

Прощай, Светлый!

Не стало Букета, как же жестокости порой бывают люди.

Жизнь меняется, мы уезжаем из посёлка Светлый навсегда.

Лето пролетело быстро. Наступила осенняя пора, а вместе с ней начались и занятия в школе. Я пошёл в третий класс.

Вернувшись однажды домой из школы, мы с братом увидели в ограде нашего Букета. Он выглядел каким-то больным. Не встретил нас обычным радостным лаем, не реагировал на заигрывания с ним. Просто лежал и грустными глазами смотрел на нас. Мы присмотрелись и увидели под ним небольшую лужицу крови.

– Букет, что с тобой? Кто это тебя? – взволнованно всполошились мы.

Букет, вероятно, уже несколько часов лежал в таком состоянии и истекал кровью. В это время почти одновременно пришли с работы мать и отчим.

Мать, завидев состояние собаки, сразу же предположила:

– Я догадываюсь, чьих это рук дело. Пожарник Сверкальцев сколько раз грозился убить Букета. Я даже один раз его видела, когда он целился в него из винтовки. Если бы я не была рядом, он ещё тогда бы в него стрелянул.

– Вот, гнида! – зло выразился дядя Ваня. – Да я ему все руки пообломаю.

– Не надо, не пойман, не вор, от греха

подальше, не видели, что именно он, поэтому и не надо. А вот если действительно он это сделал, то за грех такой сам по жизни и ответит.

Букет умирал. За три года он стал как бы нашим семейным придатком, и, глядя на неизбежность его гибели, на душе стало скверно, больно, чувства обиды переполняли меня.

«Да разве можно так? Букет на привязи. Во дворе! Это ж живое существо. За что? Зачем? До чего бездушный человек. Нет, это не человек. Это... это...» – сокрушался я и не мог найти для убийцы пса подходящее сравнение.

Я чувствовал, как мои глаза стали мокрыми, и словно в туманной дымке я смотрел перед собой до тех пор, пока не смахнул выступившие слёзы.

Да, Букет был грозным псом, но грозным лишь для собак, в которых видел своих соперников. Однако ни разу никого не покусал из селян, когда случайно оказывался на улице.

Люди в округе, зная нрав пса, проходили мимо и не обращали на него внимания. У Букета же это вызывало недоумение: «Это же почему меня не боятся?». Вероятно, он не воспринимал человека, как угрозу, а лишь своим видом давал знать, мол, смотри, каков я, так что не замышляй сделать мне что-либо худое, не то не поздоровится. Одним словом Букет обладал «мужским» характером.

Я гладил псину, пальцами ворошил его шерсть, при этом непрестанно у меня витали мысли о неимоверном желании, чтобы Букет открыл глаза и поднялся, чтобы он радовал нас своим жизнерадостным видом. Но чуда не произошло.

– Надо же, горе-то, какое... – промолвила мать.

Я знал пожарника Сверкальцева.

Днями позже кто-то из его сослуживцев, дежуривших на смену в тот день с ним, проговорились одному из наших знакомых, что нашу собаку убил именно он. Сверкальцев, зная, что в доме никого нет, вынес мелкокалиберную винтовку и с улицы через штaketник выстрелил в пса.

Когда мы уже жили на Артёме, дошёл от кого-то слух, якобы Сверкальцев лишился пальцев ног. Будучи изрядно выпивши, он отморозил себе ноги. Мать тогда сказала: «Это, вероятно, Бог наказал его за Букета». Кто знает, возможно для него таковая беда действительно стала своеобразным возмездием.

Дома всё чаще мать и дядя Ваня говорили о снижении объёмов работ на участках, о снижении заработков, что не мешало бы переехать на какой-нибудь перспективный прииск, не дожидаясь, когда в посёлке всё «заглохнет».

Рисунок А. Минченкова

В конце концов решение между ними было принято – переехать, не откладывая на следующий год, в эту же зиму на прииск Артёмовский. Предполагаю, причиной согласия матери на переезд в другой посёлок стало либо снижение работ на Светлом, либо ей было неудобно смотреть в глаза людям, что живёт с другим мужчиной. Сказалось, наверное, и проживание на Артёме далёких родственников, и её не пугал туда переезд. А, возможно, и всё вместе взятое.

Закончилась первая, затем вторая учебная четверть. Наступили новогодние праздники. Вот как раз в новогодние каникулы взрослые и затеяли выезд из Светлого. К этому времени нашли покупателя, и дом был продан.

Ко двору подъехал трактор, к которому были прицеплены сани с большими бортами. В санях находился чей-то кое-какой груз, и наш семейный скарб погрузили на него.

Мы все четверо – дядя Ваня, мать и мы с братом – залезли в сани поверх наших вещей и закутались в приготовленные для всех нас большие тулупы. Мороз был незначительный, шёл снег, медленно опускались на нас его белые хлопья. Овчинный тулуп был тёплый, и в нём я чувствовал себя комфортно.

Трактор тащил сани, громыхая своими гусеницами. Переехали реку Жую, проехали поле аэродрома, далее дорога пошла тайгой через многочисленные замёрзшие ручейки.

Трактор на своём пути преодолевал несколько перевалов, чувствовалась его сила, когда он карабкался в гору. Гусеницы порой проскальзывали, но постоянно гребли и упорно тянули за собой сани. Самой серьёзной преградой оказался перевал Товарищ. Затяжной, с уклоном гораздо круче остальных.

Перед его преодолением трактор остановился. Тракторист вышел из кабины и подошёл к саням.

– Ну, как, не замёрзли там? – поинтересовался он.

Я не замёрз, однако за длительную дорогу почувствовал себя немного зябко и пожаловался на это.

– Давай, паренёк, залезай ко мне в кабину, а тулуп оставь, остальной народ им прикроется, всё теплее им будет, – предложил тракторист.

В кабине трактора было тесно, но зато тепло. Впервые я ехал в кабине стальной машины. Мне было интересно наблюдать, как тракторист рычагами управляет механизмами, как трактор на перевале загребает под себя снег, порой выворачивая из-под своих гусениц мёрзлый грунт, упорно идёт вперёд. Мне казалось, будто еду я не на тракторе, а на танке, уж больно лязг гусениц напоминал мне звук грозных машин из фильмов о войне.

– Дяденька, а вы на танке ездили? – спросил я тракториста.

– Было дело, никогда не скрываю, два года на фронте откатался на Т-34.

– И стреляли из него?

– Я механиком-водителем был, а из орудия стрельбу вели другие члены экипажа.

– А на войне страшно было?

Тракторист с минуту молчал и ответил:

– Вроде и страшно первое время было, а потом злоба за погибавших рядом товарищей силы придавала...

Я смотрел на этого человека, на его руки и восхищался им. Ведь именно он в числе многих людей, как и мой отец, был на самой настоящей войне, бил фашистов. И теперь он своими руками управляет мощным трактором, который, наверняка, напоминает ему те страшные военные годы.

«Где и чем же сейчас занимается отец? Как ему живётся? Мы здесь, а он там...» – в эти минуты подумал я.

Где-то в середине пути мы остановились на участке лесорубов. В вагончике рабочих нас окружило тепло, железная печка-буржуйка, нагретая докрасна, дышала жаром. Мы поели, попили горячего чая и снова тронулись в путь.

Прибыли в посёлок Кропоткин ночью. Трактор с санями заехал на приисковую техническую базу. Встретил нас немоло-

дой мужчина, очевидно дежурный по базе. От него мы узнали – завтра пойдёт на Артём грузовая машина. Она стоит в гараже, и на неё нам можно будет утром перегрузиться.

– Как встанем, будем перетаскиваться на машину, – сказал дядя Ваня. – До Артёма шестьдесят пять или семьдесят километров, ЗИЛ-157 не трактор, быстрее доедем.

Тракторист ушёл куда-то на ночлег, а мы заночевали прямо в своей одежде в одном из помещений базы. От усталости и окружившего нас тепла в здании уснули все быстро, а утром, ещё до прихода на базу рабочих, мы уже были на ногах.

Дядя Ваня нашёл водителя, который должен был ехать на прииск Артёмовский и захватить нас. Всё происходило без проволочек. На ЗИЛ-157 загрузили наши домашние вещи. Нам дали те же овчинные тулупы, в которых мы ехали на тракторе, водитель должен был забрать их, как только нас доставят на место. Машина, как нам пояснили, отправлялась в Артёмовский для получения технического груза.

В кузове машины мы, одетые в тулупы, плотно легли друг к другу, накрылись войлочной кошмой, и машина тронулась. Автотрасса между Кропоткинским и Артёмом функционировала круглогодично. Пока ехали, в нескольких местах через дорогу проезжали наледы. Машина бежала, монотонно завывая мотором на взгорках. Примерно через два с половиной часа мы проехали посёлок Весенний, а еще минут через десять уже показались первые избы посёлка Артёмовского.

Водитель, видимо, хорошо знал окрестности посёлка, и потому, не плутая, быстро доставил нас по нужному адресу.

Глава 22.

Новое место, новые друзья

Я снова в посёлке Артёмовском, но уже не как гость, а житель этого прииска, знакомство с соседями, новыми друзьями.

В посёлке Артёмовском остановились мы у неких Уткиных. Не помню, но, по всей вероятности, это хорошие знакомые дяди Вани. Жили они на Новостройке. Это, можно сказать, своеобразный поселковый микрорайон из деревянных двухквартирных домов. Дома здесь имели маленькие палисадники, огороженные штaketником. И потому у каждой половины дома была своя небольшая усадьба, своя калитка во двор. Хозяин квартиры Уткин Пётр Михайлович работал водителем на

бензовозе, его супруга Виктория Петровна в больнице. Из детей у них был сын Сергей примерно моего возраста, потому как учился он также в третьем классе.

Наши дальние родственники, дядя Коля и тётя Клава с детьми, жили от них не так далеко, через пять-шесть домов. Их усадьба была самой крайней на Новостройке, за которой начинался лес.

Прожили мы на квартире Уткиных всего несколько дней. Мать с дядей Ваней вскоре подыскали подходящее по деньгам и душе жильё и выкупили его.

Это была небольшая половина двухквартирного деревянного дома. Его месторасположение мне понравилось сразу. Стоял дом недалеко от центральной части посёлка на солнечной стороне пригорка, а улица называлась Подгорная. Наша половина дома имела два участка для посадок, выше и ниже дома. Верхний огород упирался в южный склон гольца, за изгородью которого сразу начинался малорослый берёзовый лес. Нижний огород выходил своим ограждением до дороги, пролежавшей вдоль домов нашей улицы. Усадьба имела старые, но всё же добротные хозяйственные постройки – катух, сарай и навес для дров.

Параллельно домам и огородам проходила железная дорога. За ней рядом вдоль железной дороги шла основная поселковая автодорога, она, как и железная, сообщалась с близлежащими рабочими посёлками. Они являлись главными транспортными магистралями, потому как соединяли посёлки района с городом. За этими дорогами, напротив нашего дома, стояла огороженная забором приискковая пилорама, к которой подходил железнодорожный тупик. Здесь лес разгружался с вагонов и перерабатывался на пиломатериал.

Наша половина дома – это холодные сенцы с кладовой, кухня и комната. Комната имела два окна на солнечную сторону, а окно кухни выходило на запад, в ограду двора. Кирпичная печь занимала солидную часть кухни, но тем не менее здесь уместились кровать для нас с братом, обеденный стол с посудным шкафом и табуретки, а при входе небольшой шкафчик для верхней одежды и обуви. Комната была больше кухни, в ней разместились кровать, стол, шифоньер и комод.

Новое жилище нами обжилось быстро. Усердия матери привели его в надлежащий уютный вид. В доме всегда было тепло. Дров в дровянике было заготовлено в достатке. При продаже дома бывшие хозяева оставили их и заверили, мол, хватит нам отапливаться до самого лета.

Магазины, являвшиеся в посёлке центральными, располагались рядом, пять-

шесть минут ходу. Я всегда с удовольствием ходил в магазины за необходимыми продуктами. Меня удивляло в них обилие и многообразие товаров. Всякие колбасы, сыры, всевозможная рыба, различные консервы и компоты. Цены на продукты по тем временам были приемлемы не только для тех, кто работал и получал заработную плату, но и для пенсионеров, в то время получавших немаленькие пенсии, до ста тридцати двух рублей в месяц. Для сравнения, в те годы, чтобы улететь на пассажирском самолёте ИЛ-14 из Бодайбо до Иркутска, стоимость авиабилета составляла тридцать четыре рубля.

Не забуду, как мы, да и все, кто в посёлке содержал свиней, покупали рыбу горбушу для добавки в корм животным. Она в магазины поступала, засоленная в больших деревянных бочках. Вероятно, торговым базам большое её количество не просто было сохранять, а потому, когда появлялся «душок», продавалась она по относительно невысокой цене.

Семейство наше довольствовалось средним достатком, но тем не менее у нас в доме были все необходимые продукты и одежда. В посёлке бытовало мнение: кто работал, тот обут и одет и голодным не был. Я никогда не видел где-либо, чтобы кто-нибудь просил подачку или милостыню.

В нашей семье, как и у многих в посёлке, считалось за правило закупать продукты для дома впрок. В основном это происходило в дни, когда взрослые получали заработную плату. Закупалась брикетами рыба, мясо стегоном, консервы – тушёнка и сгущённое молоко – по ящику, сахар и мука и некоторые крупы мешками, соль и другие продукты также с запасом. Что позволяло долго не отвлекаться на покупку этих видов продуктов, а покупать в основном хлеб, молоко, да что-то повседневное по мелочи.

Усадьба дома была огорожена плотным забором из досок, а ворота выходили на южную сторону. С дороги хорошо был виден наш дом, как и впрочем все дома на нашей Подгорной улице. Находясь дома, особо в зимнее время, я любил сидеть у окна и наблюдать за движением транспорта, гужевых повозок, манёврами паровоза с вагонами. Из окна хорошо просматривалась картина разгрузки вагонов с лесом на тупике пилорамы.

Освоившись на новом месте жительства, на железнодорожном тупике пилорамы я бывал часто. Как только полностью освобождали состав от леса, я иногда выходил на тупик и собирал обрубки от деревянных стоек, что рабочие отрубали с платформ перед их разгрузкой. В

дело шла и крупная щепка, и небольшие обломки досок. Всё это я складывал в мешок и на себе уносил домой. Редко, но случались дни – и не один, а два-три мешка удавалось наполнить дровами. Это способствовало экономии имеющегося у нас в доме топлива, за что я получал от матери себе на кино, газированную воду или мороженое.

Надо сказать, в связи с такой заготовкой дров я стал конкурентом в этом деле своему соседу Ваньке Якимову. Это мальчишка, сосед со второй половины нашего дома, по годам мой ровесник. В их семье из детей он был один. Ваньку с его ярко красными на голове волосами все мальчишки на нашей улице больше звали «рыжий». На почве конкуренции что я, что Ванька отслеживали прибытие вагонов под разгрузку, поэтому каждый из нас старался опередить друг друга по сбору дров на тупике.

Но когда ударяли морозы, желание заниматься дровами у меня отпадало.

В такие дни я не появлялся на железнодорожном тупике, но из окна видел, как мой сосед Ванька, несмотря на сильный мороз, таскал на себе кули, наполненные дровами. Впоследствии мне стало известно, родители заставляли его этим заниматься постоянно и ругали, если он мало уделял этому внимания. Возможно недостаток средств в их семье или стремление сэкономить на дровах заставляли родителей Ваньки пополнять запасы топлива таким образом. Мне тогда думалось: «Неужели за счёт только Ваньки отапливается их дом?»

К нашему дому со стороны Якимовых примыкала усадьба Марковых. У них семья была из четырёх человек: отец – дядя Коля, мать – тётя Нюра и двое детей, сын Мишка и дочь Юля.

Мишка вообще не занимался сбором дров с тупика. Его отец иногда на лошади привозил то чурки, то дровяной отлёт, и они вместе с отцом занимались их распиловкой. Поэтому с дровами они не бедствовали. Мишка говорил, дров они заготавливают всегда на две зимы. Пользуясь сухими, сырые дрова заготавливают зимой или летом. За лето дрова высыхают и готовы к следующей зиме. Так в посёлке все припасали дрова впрок на зиму, чтобы топиться сухими.

Мишкин отец работал водовозом, развозил на лошади в большой железной бочке по домам посёлка воду. Благодаря чему мы не бедствовали с водой и всегда знали, сосед не забудет нас, обеспечит водой вовремя.

Ведро привозной воды в то время стоило не больше пяти копеек, за бочку двести литров отдавали один рубль. Когда

привозили воду, а это происходило каждую неделю, моей с братом обязанностью было перетаскать её в дом. Зимой это приходилось делать проворнее, чем летом, чтобы вода не успела обмёрзнуть на стенках бочки.

После переезда в посёлок Артёмовский я продолжил учиться в третьем классе начальной школы, которая в посёлке считалась Догалдынской. Название школы возникло либо от названия улицы, на которой стояла школа, либо от названия речки Большой Догалдын, в долине которой располагалась часть посёлка с этой школой.

За посёлком, на всём протяжении долины речки Большой Догалдын, работало несколько шахт, в которых добывали золото подземным способом. Эта речка впадала в Бодайбинку, которая в свою очередь протекала через весь посёлок и несла свои воды в реку Витим. Магистральная автодорога и железная дорога как раз и проходили до самого Бодайбо по долине Бодайбинки, где работало несколько плавучих золотодобывающих фабрик, так называемые драги.

Глава 28.

Корова на пляже

Хорошо искупаться в летний жаркий день, когда вода радуется своей лёгкой прохладой, но иногда радости от купания омрачаются, если рядом пасутся коровы.

На следующий день после обеда я вышел на улицу, чтобы искать встречи со своими друзьями-соседями, проводить вместе время.

Погода стояла тёплая, и даже было немного жарко, солнце изрядно припекало голову. Удивляться не приходилось, здесь, в Сибири, зимы всегда очень холодные и длинные, а лето короткое, но жаркое. Не случайно Бодайбинский район приравнивался к районам Крайнего Севера, поскольку климат считался резко континентальным. Местные по этому поводу при случае шутили: «девять месяцев зима, остальное лето».

Мишка был у дома, подметал перед калиткой мусор.

Мы, как взрослые, поздоровались за руки.

– Ну, как самочувствие? Не болит голова после вчерашнего вина? – рассмеялся Мишка.

– Тошнило, думал, кишки наружу вылезут. Я уж насмотрелся на папку, каково бывает от такой гадости.

– А что, дядя Ваня у вас пьёт? Странно, не видел ни разу его выпившим.

– Так дядя Ваня наш отчим, он вообще не выпивает, а отец у нас был, когда жили на прииске Светлом. Папка с мамкой и разъехались из-за этого.

И вкратце рассказал Мишке про нашу Светловскую поселковую жизнь.

– Понятно, – ответил Мишка. – У нас батя иногда тоже выпивает, но немного, так, когда какие праздники, мне пробовать не даёт, только пальцем грозит.

С Мишкой немного ещё поговорили, и разговор наш перешёл на желание искупаться.

– Слушай, давай на Пятую сгоняем, там вода, говорят, такая тёплая, искупаемся, – предложил Мишка.

«Пятая» – это улица Пятая Каменистая на окраине Артёмовского, в сторону посёлка Весенний. От старых горных работ там образовался небольшой котлован, заполненный водой. Вода в нём быстро нагревалась от солнца, потому как водоём был не особо глубоким и закрытым, не сообщался с речкой. Берег больше походил на зелёную лужайку, рядом росли низкорослые кустарники.

– Давай, – согласился я.

Мишка занёс в ограду метлу, вывел свой велосипед, и мы спустились на дорогу.

На велосипеде ехали вдвоём: он – за рулём, я – на багажнике.

Мишка два-три раза мне предлагал проехать на велосипеде, я пробовал, но у меня не получалось держать на нём равновесие, и я постоянно падал. «Ничего, научись», – ободрял он меня при этом.

Иногда мы шли пешком, когда дорога уходила в гору. Всё же крутить педали, чтобы ехать вдвоём, было нелегко. Зато обратно можно было катиться под уклон всю дорогу, до самого дома.

На заводи купающихся было всего двое мальчишек, да и те, как только мы пришли и стали раздеваться, сразу ушли.

Вода действительно оказалась нехолодная, и было приятно плескаться. Вдоволь наплававшись, мы решили выйти на берег согреться и обсохнуть.

Я пошёл к месту, где мы сложили одежду, чтобы взять свою майку и обтереть лицо. Но майки на месте не оказалось.

– Мишка! – воскликнул я. – Смотри, майки моей нету, спёр кто-то?

– Да никого вроде не было видно, только корова одна вон пасётся. Кому твоя майка нужна.

Я глянул в сторону коровы и обомлел. У коровы изо рта торчал кусок ткани, это была моя майка, которую она медленно жевала.

Я бросился отбирать у коровы свою майку, схватился за её конец и начал с усердием тянуть к себе.

– Вот гадина, отдай сюда! – возмущался я.

Корова же как ни в чём не бывало смотрела на меня своими крупными и мутными глазами и нагло продолжала жевать мою одежду. Я с ужасом смотрел, как майка постепенно уходит в её утробу.

Мишка укатывался со смеху и наконец сказал:

– Да перестань ты ерундой заниматься, не заберёшь ты у неё свою майку.

– Это ещё почему?

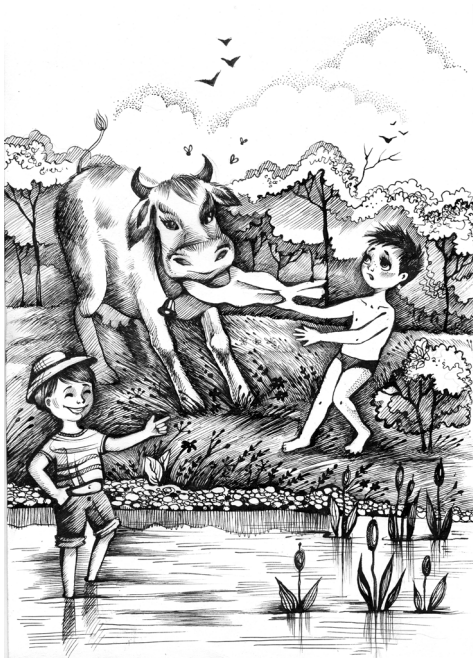

Рисунок Н. Ромашевой

– Да потому, у неё пасть так устроена, если что заметёт своим языком, то уже не сможет обратно выплюнуть. Недаром говорят, как корова языком слизала.

– Ну вот, теперь за майку дома попадёт, – огорчился я, оставив в покое корову.

Вечером дома, когда ложились спать, мать обнаружила отсутствие на мне майки, и спросила:

– А где майка-то?

– Корова съела... – виновато ответил я.

– Что ты мелешь? Вчера вина попробовал, а соврал, что консервами отравился, сегодня у него корова майку съела. За то, что врешь, накажу!

– Я правду говорю, спроси у Мишки Маркова, мы с ним на Пятой Каменистой были, купались, корова подошла и слизнула с травы мою майку.

Все домашние засмеялись.

– Ну, рассмешил ты всех на ночь глядя. Вот Мишкина майка корове не понравилась, а твоя, видно, ей по вкусу пришлась и съела сразу. Иди, спать ложись, горе ты луковое.

На этом разговор закончился. Мать мне дала другую майку, и я нырнул под одеяло в постель.

Глава 31.

Проступок и забава

Шалости иной раз как глупости, которые не красят человека, но дают ему хороший урок, а также о приколе, который понравился нам.

– А давайте, когда будет Казаков ехать, перетянем дорогу верёвкой или проволокой, и он брыкнется со своего велосипеда, – предложил свой авантюрный план Мишка.

Мы задумались.

– Упадёт и может покалечиться, – заметил я.

– Санька прав, видели в кино, как партизаны во время войны перетягивали проволокой дороги немецким мотоциклистам? Они падали и кувыркались с мотоциклов в кюветы, – подхватил Ванька.

– Мы же не сильно и тонкой проволокой будем перетягивать, – не отступал Мишка.

Так уж случилось, когда мы в этот же день бродили по посёлку от безделья, услышали звук мотовелосипеда. Это ехал Казаков. Он промчался мимо нас куда-то в центр посёлка, на руле висела хозяйственная сумка, вероятнее всего, в магазин за продуктами.

– Пацаны, он ведь обратно скоро будет возвращаться, давайте перегордим проулок к его дому, – предложил Мишка.

Брата с нами не было, а мы с Ванькой, хоть нам и не очень-то хотелось это делать, всё-таки согласились. Мишка всегда был заводилой во всём экстравагантном. И мы больше находились под его уличным руководством, за что меня не раз ругали родители, если я иногда попадал в какую-либо историю под влиянием Мишки. Нет, конечно, не на все его авантюрные предложения я соглашался. Если какие меня сильно настораживали, я не принимал в них участия, ссылаясь якобы на занятость по дому в выполнении поручений родителей.

«Опять с этим Мишкой связался, вроде как своей головы нет у тебя!» – сокрушалась в некоторых случаях мать.

Мишка у изгороди отыскал нетолстую проволоку.

– О, пойдёт, айда в проулок.

В переулке, примыкающем от дороги к дому Казакова, мы и стали ожидать звук мотора велосипеда. Долго ждать нам не пришлось, наконец, послышался знакомый шум моторчика.

На улице никого не было, и мы быстро привязали оба конца проволоки по разные стороны проезда. Отошли подальше за угол и стали наблюдать.

Казаков ехал по дороге, свернул в свой проулок и, газуя, мчался к дому.

Преграду Казаков не заметил и, поравнявшись с невидимой проволокой, со всего маху слетел с велосипеда. Мотор не заглох и продолжал работать, взревел, а выхлопные газы синими клубами распространялись от него. Казаков вскочил и, заметив нас, издали наблюдавших картину, понял, это могло быть только наших рук дело.

– Я вам сейчас покажу! – угрожающе воскликнул Казаков с намерением догнать нас. – Я вам покажу! Поймаю, уши повывёртываю!

Последние слова мы уже почти не слышали, мчались во всю прыть подальше от этого места.

Мы убежали за наши огороды и, когда увидели, что погони за нами нет, перевели дух.

– Повезло, да и где ему за нами угнаться, – сказал Мишка.

– Интересно, узнал Казаков нас или нет? Вроде как он не успел нас разглядеть, – настороженно подметил я.

– Если бы поймал, было бы нам худо, попало б от него, да ещё и родителям бы рассказал, – высказался Ванька.

– Ну и брыкнулся же Казаков, а моторчик-то как взревел! – восхищался Мишка.

– Нет, давайте от греха подальше такие дела больше не творить, – высказал я своё мнение. – А если бы что-то не так вышло, каково Казакову было бы?

– У-у, тогда бы дело до милиции дошло, – предположил Ванька.

– Да чего раскудахтались, ну попробовали раз и ладно, – возмутился Мишка. – Я же специально пониже, на уровне руля натягивал, чтоб не задело его.

Признаться, мне было стыдно за проступок, и я был рад за благополучный исход содеянного. Мы действительно больше никогда не совершали ничего подобного, и даже мысли не приходили повторить такое с кем-либо. Глубоко осознав гнусную сущность нашего прегрешения, мы даже как-то вспомнили об этом случае с осуждением.

Однако у нас больше рождались затейные забавы, которые никому не наноси-

ли вред, а нам доставляли удовольствие. Об одной запомнившейся расскажу.

Я ранее уже говорил, за нашими огородами начиналась лесная полоса, через которую проходила тропа. Этой тропой многие жители пользовались с целью сократить путь. Огибая посёлок, они более короткой дорогой попадали на Новостройку. Или наоборот, если им нужно было с Новостройки быстрее оказаться в районе школы и амбулатории, они шли этой дорогой.

Не припомню, кому пришла идея попугать на этой тропе прохожих, но поводом послужил обыкновенный арбуз. В посёлок раньше обычного срока завезли арбузы. Этому лакомству все и всегда были рады, особо ребятя. Как же было приятно откусывать от ломтика красную мякоть, которая была сладкая и сочная.

Болтаясь у рынка, мы увидели в отходах лопнувший полосатый плод. Безусловно, мы его подобрали, но есть не стали. Благо, что родители с избытком купали эту удивительную и крупную ягоду. Вот и решили из этого арбуза выбросить мякоть, сохранив его оболочку.

Срезали немного кожуры и через образовавшееся отверстие выбрали мякоть. В пустотелом арбузе, а вернее сказать в его оболочке, проделали небольшие прорезы, вроде как глаза, нос и рот. Когда стало смеркаться, мы пришли на ту самую тропу, где и решили устроить нашу необычную страшилку.

Поставили прихваченную с собой махонькую свечку на камень с краю тропы и зажгли её спичкой. Огонёк накрыли нашим изделием. Было интересно смотреть, как через прорезы кожуры пробивался свет, а посему страшилка выглядела весьма таинственно.

Спрятавшись в кустах, мы стали ждать кого-либо из прохожих. Нам не терпелось увидеть, как будут реагировать люди, завидев такое пугало.

Долго ждать не пришлось. Первыми появились три девчонки. Они что-то весело обсуждали, смеялись. И тут враз смолкли. Мы же притихли в кустах и с замиранием сердца ждали, что будет дальше.

– Ой! Смотрите! Что это?! – воскликнула одна.

– Мамонька, я боюсь! – вскрикнула другая.

– Девочки! Бежим назад! – взвизгнула третья, и они разом и быстро покинули напугавшее их лесное диво, даже не решившись разглядеть эту невидаль.

– Умора! Вот драпанули! – смеялись мы.

Минут через десять мы увидели, как по тропе приближаются двое взрослых: мужчина и женщина.

– Коля, смотри! Что это?! – громко сказала женщина и взялась за руку мужчины.

Мужчина остановился и стал присматриваться.

– А бес его знает? Видать, кто-то чудачится. Сейчас глянем на эту забаву.

– А может не надо, Коля? Что-то мне это не нравится. Да и вокруг нет никого. Может, вернёмся, от греха подальше?

Мы в кустах и прыснули от смеха.

– А, это вы тут, шпана, народ пугаете! – рассмеялся мужчина. – Решили позабавиться, надо же до чего додумались!

Он подошёл вместе с женщиной, и они стали рассматривать наше изобретение, которое так быстро «раскусили».

Когда они ушли, мы разбили свою конструкцию и подались по домам. Поджидать кого-либо не было смысла. Огарок свечки догорел, и оболочка арбуза потеряла свой таинственный образ.

Глава 33.

Вот и пятый класс

У меня появился ещё один брат.

Средняя школа. Какие же разные бывают учителя. Моя личная тактика поведения на уроках.

В сентябре 1961 года наша семья пополнилась новорожденным. Родился мальчик, мать с отчимом дали ему имя Владислав. С этого времени у нас появился маленький брат, которого все без исключения окружили вниманием и заботой. В основном и постоянно, конечно, со Славой занималась мать, поскольку уже не работала в связи с отпуском по уходу за ребёнком. Мы с братом отчасти, только когда матери нужно было куда отвлечься, присматривали за братишкой.

Артёмовская средняя школа размещалась на огороженной территории, на которой располагались деревянные здания: двухэтажное главного учебного корпуса, одноэтажные кабинета физики и химии, спортивный зал, учебные мастерские по слесарному труду и столярному делу. Мастерские имели металлорежущие станки с тисами и множество специальных инструментов для обработки металла и дерева.

Слесарное и столярное дело преподавали учителя-мужчины, оба немалодые по возрасту. По слесарным урокам Вадим Семёнович, по столярным Пётр Васильевич. Эти занятия посещали только мальчишки, девчонки же проходили домоводство.

Уроки по труду мне нравились. Особо я с нетерпением ждал каждого занятия по столярному делу. Приятный запах свежеструганного дерева постоянно присутствовал в помещении, и это меня привлекало больше всего. Обрабатывать дерево рубанком, из-под которого вылетала стружка, было гораздо привлекательнее, нежели обрабатывать металл зубилом или напильником.

Моё чрезмерное усердие, при котором я спешил быстрее всех сделать ту или иную деталь, почти всегда останавливал Пётр Васильевич. «Ну, куда ты спешишь? Так и заготовку запороть можно», – говорил иногда он мне.

И всё равно это мало помогало. Я так же продолжал выполнять задание торопливо, чтобы быстрее всех сделать и сдать работу учителю. Отметки по труду у меня всегда были «отлично». Я считаю, занятия в средней школе по этим дисциплинам не пропали для меня даром. Впоследствии приобретённые навыки мне пригодились в жизни, когда приходилось самому при надобности что-либо делать из дерева или металла.

Я любил заниматься по таким предметам, как история, география, физика. В старших классах мне нравились уроки геометрии и алгебры, русского языка и литературы. Больше всего не любил урок химии. И не из-за разбирательств с множеством формул реакций соединений веществ, а просто сомневался, нужна ли будет мне в жизни химия. Я не собирался посвящать себя профессии, где она мне пригодилась бы. По этому предмету у меня всегда были сплошные тройки.

Надо сказать, по химии, в общем-то, ни у кого из учеников не было двоек или единиц. Учитель химии, Арнольд Анатольевич, помнится, вроде так его звали, просто никому их не ставил. У него было за правило в домашних или контрольных работах, выполненных на два или единицу, ставить отметки «три» с одним, двумя и более минусами. Были случаи, ставил и оценку «три» с четырьмя минусами.

Все, кто получал такие отметки, видели в классном журнале проставленные просто «три» без каких-либо минусов. Это радовало учеников, но и в то же время огорчало, ведь твоя работа, если учесть все минусы после «тройки», оценена ниже единицы. То есть он этим морально воздействовал на сознание учеников, как бы давал понять, что знаний у того или иного ученика нет, о чём следовало бы задуматься. Такую методику никто больше из учителей не применял, это была его личная, которой он следовал из года в год.

Уроков в пятом классе добавилось.

Начали изучать английский язык. Помню, как все с оживлением взялись за него, каждому было интересно быстрее научиться возможности общения на иностранном языке. Учительница нас убедила в полезности знаний английского, уверила нас в его потребности. Правда, не все в то время с серьёзностью отнеслись к её словам. У большинства учеников вскоре исчезло рвение к изучению английского, у одних пропал к нему интерес, кому-то он просто давался с трудом.

Впоследствии в жизни многим, наверняка, пришлось сталкиваться с терминами или оборотами на английском языке. А посему вынуждало их, по всей вероятности, одним пользоваться словарём, другим вновь возвращаться к его изучению.

Учиться в средней школе было куда интереснее. Занятия по математике, русскому языку, истории чередовались с занятиями по труду и физкультуре. Зимой в основном уроки проходили в спортивном зале, однако в не очень морозные дни всех выгоняли на лыжню. В спортзале лыж был целый арсенал, на все возрастные группы. Когда объявляли о лыжной подготовке, каждый торопился опередить друг друга, спешили выбрать лыжные палки и лыжи новее и с лучшим креплением.

В спортзале имелись всяческие спортивные снаряды: шведская лестница, канаты и кольца. Были «конь» и «козёл», которые я просто не мог терпеть, если заставляли через них прыгать. Не знаю, но я почему-то при прыжках, особенно через коня, первое время боялся не одолеть его длину и удариться. Подобное чувство испытывали и другие мальчишки.

Но наша боязнь пред этими снарядами вскоре пропала, мы освоили прыжки, и даже с удовольствием и на всевозможный спор одолевали коня или козла, устанавливая их как можно выше от уровня пола.

С пятого класса у меня появилась своя тактика поведения на уроках. Мои наблюдения показали: многие учителя вызывали к доске или поднимали из учеников больше уклонявшихся от ответа, которые прятались за передисидящих ребят. То есть учителя, будучи прекрасными психологами, оглядывали внимательно класс, как бы изучали поведение каждого в поисках не выучившего урок, и выбирали «жертву», которая должна отвечать по теме урока или объяснить какое-либо домашнее задание.

Конечно, фамилии назывались и по классному журналу, но больше начиная

сверху или снизу списка учеников. Поскольку фамилии были вписаны по алфавиту, то моя стояла как бы в середине списка, это, на мой взгляд, снижало вероятность вызвать меня первым. Разумеется, если у ученика было недостаточное количество оценок в журнале, то таких вызывали и без учёта высказанных мною соображений.

Поэтому, если я не выучил домашнего задания или недостаточно хорошо подготовился к уроку, то я во время урока сидел за партой смело, откинувшись спиной к задней парте, спокойно смотрел в сторону учителя. Учителя, усматривая мой непринуждённый вид, вероятно полагали, что я готов ответить, то в такой момент почти никогда и не спрашивали.

И наоборот, если я хорошо знал или добросовестно выполнил домашнее задание и мне хотелось получить желанные «четыре» или «пять», то я проявлял максимум артистичности, прятался за спину передисидящего ученика, старался уклониться от взгляда учителя, имитировал неготовность к уроку. И вот тут-то меня и поднимали из-за парты или вызывали к доске, чего я и добивался. Такая тактика меня и удивляла и забавляла.

Глава 35.

«Новый год» в классе

Ученики бывают разные, разные не только по отношению к учёбе, но и в своих выдумках, за которые приходится плакать.

У нас был дружный класс, и какие-либо глупости не происходили. Но заводили неординарных поступков всё же в классе имелись, и иной раз случались кое-какие шалости, чем, безусловно, огорчали учителей. Большинству учеников в стихийном баловстве приходилось невольно либо участвовать, либо быть их свидетелями.

Накануне Нового года, когда до каникул оставалось два-три дня, наш одноклассник Лёнька Вергасов на одной из перемен принялся рвать на мелкие кусочки старые тетради и разбрасывать их меж партами и учительским столом.

– Надо украсить наш класс празднично, какой же Новый год без снежинок! – кричал во весь голос Лёнька.

К нему присоединились единомышленники. Мы с Ванькой, как, впрочем, и большинство мальчишек, в этом участие принимать не стали, понимали, такая выходка может обернуться неприятностью.

Вскоре пол класса был покрыт мелко рваными клочками бумаги. Было в дико-

вину смотреть на этот необычный беспорядок.

Лёнька подошёл к классной доске и мелом, как умел, нарисовал Деда Мороза со Снегурочкой и написал: «С Новым годом, дорогие учителя!»

Прозвенел звонок на урок. Все расселись по своим местам и стали ждать появления учителя географии. Не знаю, что в этот момент ожидания испытывал Лёнька и его сообщники, но меня, помню, такое «новогоднее поздравление» не радовало и вызывало тревожное состояние.

Дверь в класс открылась и на пороге появилась Нина Григорьевна. Учитель с большим педагогическим стажем, по возрасту за сорок пять лет. Надо сказать, в школе молодых учителей работало мало.

Нина Григорьевна окинула взглядом класс. Впечатление от увиденного резко изменило её настроение, отчего она даже широко открыла глаза и развела руками.

— Что это, что это за хаос?.. — тихим голосом не то спросила нас, не то задала вопрос себе.

Класс затаил дыхание.

Нина Григорьевна молча вышла из класса и закрыла за собой дверь. Было ясно, вернётся она обратно уже не одна, либо с директором, либо с завучем, и тогда начнутся разборки.

Лёнька вскочил первым из-за парты и горячо прошептал:

— Пацаны, давайте быстро всю бумагу соберём и выбросим на улицу через форточку, а не то несдобровать, родителей вызовут!

Лёнька с мальчишками, которые помогали рвать бумагу, принялись лихорадочно убирать класс. Большинство ребят, в том числе и я, стали помогать им в этом. Поскольку и девчонки тоже помогали убирать бумажный мусор, то буквально за две-три минуты всё было собрано и выброшено через форточку в окно.

Мы смотрели как бумага, вылетая из окна второго этажа, медленно опускалась на школьный двор. Тот, кто стоял и наблюдал через дверную щель за обстановкой в коридоре, вдруг сообщил:

— Идут! Нина Григорьевна, директор и ещё какая-то молодая учителька!

Все словно по команде расселись по своим местам и стали ждать появления столь чрезвычайной и нежеланной нами комиссии.

Хотя и не рвал я бумагу и не разбираю её по классу, имитируя «Новый год», всё же на душе стало неприятно из-за огорчения учительницы. Такая выходка, безусловно, виделась просто неуместной, тем более в канун предновогоднего праздника. Для меня, как и для большинства, этот праздник был самым любимым.

Наряженные ёлки, подарки со сладостями, различные развлечения в дни школьных каникул — всё это создавало возвышенное настроение.

Директор Илья Романович и двое учителей вошли в класс. Все ученики поднялись со своих мест. Илья Романович спокойным взглядом оглядел класс, прочитал «поздравление» на классной доске, которое впопыхах не успели или забыли стереть, после чего промолвил:

— Садитесь.

Затем он вопросительно посмотрел на Нину Григорьевну, давая ей понять: где и в чём хаос?

Нина Григорьевна, озадаченная чистотой в классе, удивлённо смотрела на всех нас. Быстро прошлась между рядами парт и взглядом прощупала, есть ли какой мусор под ними. Но, к своему изумлению, нигде рваной бумаги не обнаружила.

— Как же быстро всё убрали. Вы что, издеваетесь надо мной? — с возмущением в голосе обратилась она к классу.

Все молчали.

Илья Романович прошёлся по классу, о чём-то раздумывая. Потом подошёл к окну и с минуту наблюдал за происходящим на улице, затем вернулся к классной доске и обратился к классу:

— Я бы хотел увидеть инициаторов предновогодних глупостей, прошу таковых подняться.

Ни Лёнька, никто из его сообщников не встали из-за парт, все притихли и ждали, что будет дальше.

— Значит, пакости делать смелости хватает, а отвечать за них должны другие, — продолжал директор. — Что ж, в таком случае сейчас, поскольку урок уже сорван, я вынужден в преддверии Нового года назначить внеочередное родительское собрание, и вместе с вами будем обсуждать случившееся.

По классу прошёл ропот, обращённый к Лёньке.

Кто-то даже шепнул ему, чтобы он сознавался и не подводил весь класс.

Лёнька ёжился, недовольно смотрел на тех, кто шёпотом советовал ему признаться в своей выходке. Но, видя нарастающее негодование среди учеников, он, наконец, с неохотой медленно встал и понуно, глядя в пол, произнёс:

— Я...

— Ну, за поздравление спасибо, — директор показал на доску. — А вот за свои поступки, Вергасов, надо приучаться отвечать самому.

Илья Григорьевич подошёл к окну и снова обратился к Лёньке:

— Вот тот бумажный мусор, что разлетелся из окна этого класса по школьному

двору, мне не хотелось бы видеть. Было бы справедливо, если бы ты прямо сейчас вышел, оделся и привёл в порядок территорию. Мне очень жаль, что в классе не нашлось ребят, которые бы не позволили Вергасову испортить всем предновогоднее настроение, – строго посмотрел на Лёнку и добавил: – Через час я лично проверю школьный двор.

Илья Григорьевич направился к двери класса и прежде чем выйти обратился к учителю географии:

– Нина Григорьевна, продолжайте урок.

Вслед за директором вышла и другая учительница. Позднее мы узнали, что это была не учительница, а новая пионервожатая Светлана Юрьевна.

Лёнка вышел из класса.

– Нина Григорьевна, – обратились трое мальчишек, которые помогали Лёнке рвать и разбрасывать по классу бумагу, – мы тоже мусорили, можно идти помочь Вергасову?

Учительница взглянула на них и, вздохнув, ответила:

– Идите, может работа дворника вас чему-нибудь научит.

И продолжила прерванный урок.

Глава 36.

В западне

Мы построили ледовый дом, в котором зимой тепло и уютно, но по глупости чуть не погибли.

Наряду с новогодними праздниками, с их подарками и на улицах посёлка увеселительными мероприятиями, организовывались в клубе и программы фильмов для детей на весь период каникул. Репертуар подбирался из самых интересных и захватывающих фильмов, отчего зрительный зал был всегда полон и детьми, и взрослыми.

Зимние каникулы вносили и должный отдых, который мы с мальчишками максимально использовали на улице.

Строили баррикады и заграждения из снега, вокруг которых происходили рукопашные бои между мальчишками. Ребята делились на команды и попеременно штурмовали «позиции». Мороз в таких случаях не был помехой. Вечно мокрые от снега и вспотевшие, мы возвращались домой. Одежда – телогрейка, валенки, рукавицы – всегда висела после улицы у печи.

Однажды Мишка Марков, Ванька Якимов, Димка Строев, мой брат и я решили построить ледовый домик. Натаскали плотные комья снега, из которых построили сводчатое небольшое сооружение в

виде эскимосского чума. От его входа сделали снежный узкий тоннель, с выходом в ограду Димкиного дома. Всю эту ледяную конструкцию облили несколько раз водой, и она быстро и основательно заледенела.

Поскольку Димкин дом стоял на пригорке, то тоннель получился с большим уклоном. Спуститься в заледеневший чум можно было, скатившись вниз по узкому лазу, при этом туловище должно было максимально быть выпрямленным. Выбраться же изнутри было сложнее. Нужно было ползти, упираясь в стенки тоннеля руками и ногами.

Наше сооружение больше походило на небольшой пещерный ледовый грот. Стены сооружения получилась не очень толстыми, и поэтому сквозь них проникал слабый, но все же достаточный свет. При таком свете мы без особого напряжения видели друг друга, когда находились внутри.

Мы не раз забирались в этот снежный домик, где болтали о чём угодно. Наше сооружение не продувало ветром, от нашего дыхания мороз отступал, внутри становилось тепло и уютно.

Как-то в очередной раз, забравшись внутрь, мы заговорили об обустройстве нашего убежища.

Тему эту начал Димка:

– Пацаны, ну разве это штаб? Давайте сделаем в потолке маленькое отверстие, это будет труба. Тогда можем разжечь здесь костёр, вообще будет теплынь, хоть раздевайся.

Идею поддержали. К сожалению, в

Рисунок Н. Ромашевой

этот момент никто из нас даже и не задумался о возможных опасностях.

Все вылезли наружу. Димка отправился домой за мелкими дровами, бумагой и спичками, а мы стали пробивать железным прутом небольшое отверстие для устройства дымохода.

Когда всё было готово, все снова залезли внутрь. Димка смял бумагу в комочек и положил на землю, к бумаге приложил щепу, поднёс спичку. Мы тесным кругом сидели вокруг нашего желанного костра. Огонь стал быстро поглощать бумагу и лизать сухую щепу, отчего она быстро воспламенилась. Димка подложил новую порцию, но уже мелких дров.

Однако интенсивность горения была не так высока, появился дым, тяга практически отсутствовала. В нашем тесном убежище скопилось немало дыму, который больше стал выходить через входной туннель, нежели через проделанный дымоход. Дышать стало трудно.

– Ребята, тушим быстро, а то задохнёмся! – кричал Мишка.

Огонь затушили быстро, но дым добавлялся от тлеющих дров, дышать стало ещё труднее, глаза разъедал едкий смог, у каждого на глазах выступили слёзы.

– Пацаны, давайте ломать изнутри стены! – призвал всех Димка.

Как мы ни старались, ледовые стены, хотя и не были толстыми, но обильно облитые водой и добротно замороженные, не поддавались. Отчаяние охватило нас: «Ведь можем задохнуться! Что делать?!».

Когда мы оказались в столь ужасной западне, чувство безысходности усиливалось в нас с каждым нашим бессмысленным движением. Проломить ледовую преграду мы были не в состоянии.

Мишка крикнул:

– Пацаны, быстро выползаем через лаз! Все разом не лезем, только по одному!

Каждому из нас хотелось первому выбраться наружу, и в то же время все вдруг осознали, если закупорим выход, все и останемся здесь. На удивление в этой ситуации мы проявили организованность, и это нас спасло.

Промедление или заминка могли нам стоить жизни, так как дышать с каждой минутой становилось всё труднее и труднее. Почти на ощупь, один за другим, подталкивая друг друга, мы, наконец, выбрались из своего плена.

Чувство нахлынувшего страха постепенно стало покидать нас.

Мы смотрели друг на друга. От копоти каждый выглядел чумазым и смешным.

– Если бы мы ещё проглотали там дыму, конец бы всем пришёл, – тихо произнёс Ванька.

– Да-а-а... – протянул Мишка. – Задохнулись бы как пить дать.

– Из-за твоей, Димка, дурацкой идеи мы чуть жизни не лишились, нашёл чего придумать, – буркнул мой брат, отряхиваясь от снега.

– Все мы бестолковками не подумали, дыму-то куда деваться? – подметил Мишка. – Да и набились как селёдки в бочку.

– Ну, нет, в этот штаб я больше не полезу, – немного успокоившись, заявил я.

– Да сломать надо этот штаб, иначе малышня заберётся в него, да ещё, как мы, огонь разведут, – предложил Мишка.

– Это верно, – подхватил Димка. – Мой младший братишка уже лазил раза два со своим соседом, я их выгонял отсюда.

Возражать никто не стал. Димка принёс из сарая лопату, ломик и кайлу.

На разрушение штаба с такими инструментами много времени мы не потратили. Как говорят, ломать – не строить.

С необыкновенным рвением разбивали мы снежно-ледовые стены и перекрытие сооружения. От разбитых комков пахивало гарью. Силы придавал этому делу энтузиазм, наверняка проявившийся от нашего благополучного спасения, а может, и от опасения, как бы действительно кто не попал из малолеток в такую же, как мы, западню.

В этот день, когда мы с братом вернулись домой, мать нас возмущённо спросила:

– Что за вид-то у вас чумазый? Дымом несёт от вас! Вы что, курили?!

Наша одежда настолько провоняла дымом, что в ней остался угарный запах, который и настроила мать.

– Да не курили мы, зря говоришь, мама, – оправдывались мы. – Просто играли с мальчишками в нашем ледяном штабе, а в нём костер разжигали, вот и пропахли дымом.

Мать принялась к каждому.

– А ну, подышите-ка на меня.

С братом попеременно набрали воздуха и выдохнули через рот. Мать, убедившись в нашей искренности, тут же успокоилась.

Мы не стали рассказывать матери о неприятностях, произошедших с нами, не хотелось её расстраивать.

– Ну вот скажите, зачем такие игры выдумываете с огнём, одежда ладно, что ж дымом-то дышать? Головёнками-то думайте своими, – упрекнула она нас.

Этот день мы долго иногда ещё вспоминали с мальчишками, раз за разом вороша все подробности случая, что приключился с нами.

Глава 38.

Вкус табака

Когда табак дармовой и к тому же бесхозный, то возникает соблазн попробовать, что он собой представляет.

Мы с Мишкой перед его двором играли в ножички, увлечённо втыкали попеременно в землю свои перочинные складни. И тут к нам подбежал Ванька.

– Пацаны, айда на Пятею Каменистую. Там на свалку, выбросили целую уйму ящичков с сигаретами и папиросами.

– Будет тебе врать-то, так и выбросят табак целыми ящичками, – не веря Ваньке, возразил Мишка.

– Да я только оттуда. Ящички подожгли, а они не полностью сгорели. Вернее, не горят, а тлеют.

Мы поверили Ваньке и сразу же опростельно помчались на эту свалку. Не ради любопытства поглядеть на тлеющую грудку табака, а больше из желания набрать папирос и сигарет для взрослых. В надежде, если принесём домой дармовой табак, то получим от них какое-нибудь вознаграждение, всё ж табак в магазине стоит денег.

Когда мы появились на свалке, то действительно увидели большую кучу брошенных в навал ящичков с папиросами и сигаретами, которые дымили, словно головёшки от огромного кострища. Видно, тот, кто привёз сюда их и поджёг, недобросовестно выполнил свою работу. Ящички были почти целые и только отдельные из них, раскиданные с краю кучи, тлели.

Множество названий папирос и сигарет мы здесь увидели – «Казбек», «Беломорканал», «Север», «Дели», «Дукат», «Махорочные».

Мы начали вскрывать ящички. Оказалось, табак был в основном подмочен, хотя оболочки сигарет и папирос не были нарушены. Позднее мы узнали, этот товар вывезли со складов продснаба для уничтожения, он подмок при хранении и не подлежал реализации.

Всё-таки в этой куче мы находили и более-менее добротные, а иногда и вовсе сухие пачки папирос и сигарет. Спешно мы наполнили ими свои сумки.

Слух об огромном количестве выброшенного на свалку табака по посёлку распространился быстро. Потому, как только собрались мы покинуть свалку, к ней подтянулось несколько человек. В основном это были взрослые. Первым делом они заворчали на нас, чтобы мы немедленно удалились и подозрительно смотрели на наши большие сумки, возможно, гадаясь об их содержимом.

– А ну, шпана, марш отсюда, нечего здесь делать!

Мы незамедлительно убежали, понимая, если заставят нас раскрыть сумки, то мы можем лишиться папирос и сигарет.

За нами никто не побежал, поскольку каждый из них сразу начал ворошить ящички, проявляя завидную сноровку в отборе выброшенного товара.

Меж собой мы договорились, каждый отложит несколько пачек для себя, чтобы попробовать покурить.

Я спрятал в сарае пять или шесть пачек папирос и столько же пачек сигарет, полагая, что такого количества вполне хватит нам с братом.

Вечером я рассказал матери и отчиму, как мы с Мишкой и Ванькой набрали на свалке из продснабовских ящичков выброшенные сигареты и папиросы. Что каждый унёс домой по большой сумке табака. Дядя Ваня не курил, но проявил интерес и сказал, что возьмёт их для того, чтобы при случае угощать товарищей по работе.

– О, так здесь целый арсенал дыма, – сказал дядя Ваня, когда я раскрыл сумку.

Мишка, Ванька, мой брат и я на следующий день собрались за огородами. Каждый принёс папиросы и сигареты из припрятанных запасов.

– Мишка, а ты курил когда-нибудь? – спросил я.

– Пробовал.

– А мы с Вовкой ни разу не курили, – ответил я.

– Я тоже никогда не пробовал, – сказал Ванька.

Брат достал спички. Мы вскрыли пачки. Каждый выбрал, кому какие приглянулись – сигарета или папироса.

По-взрослому помяли пальцами их оболочку. Прикурили. Я глубоко вдохнул дым и сразу же закашлялся. В горле запершило, а в груди, как будто что-то сдавило.

– Тьфу ты. Ну что в этом табаке приятного? – откашливаясь, сказал я. – Какое удовольствие находят в этом мужики?

– Не знаю, видимо, им нравится, – ответил Мишка и сам закашлялся от дыма.

Я стал осторожно выкуривать папиросу, однако в лёгкие дым не втягивал. Просто набирал его в рот и выпускал тонкой струйкой.

Так курили все, кроме Мишки. Он немного дыма вдыхал в себя и неспешно выпускал через рот, а иногда и через нос, демонстрируя нам своё примитивное умение.

– И всё-таки, пацаны, – сказал я, – когда сам куришь, как-то противно во рту. А вот старики дымят, так каким-то необычным запахом от их табака несёт.

– Так они особый табак курят, само-сад вроде как, – ответил Мишка. – Вот мой батя из газеты самокрутку накручивает и обычную махорку курит, кисет с собой носит. Вчера ему, когда отдал сумку, он спросил меня, не украд ли я эти папиросы и сигареты. Когда рассказал, он наказал матери ирисок мне купить.

Где только целый день мы ни ходили с этими папиросами и сигаретами. Угощали знакомых мальчишек, курили с ними и без них. Наконец, мы с братом вернулись домой к вечеру, не только до дурмана накуренные, но и изрядно прокуренные.

– У нас в доме табаком вроде запахло? Иван, ты курить начал, что ли? – спросила мать отчима.

– Да нет, с чего это ты взяла? – ответил он.

Мать посмотрела на нас с братом. Мы не шелохнулись и не подавали виду.

– Чего примолкли? А ну, подойдите оба ко мне.

Мы с братом приблизились к матери.

– Да от вас как от паровоза несёт! Ах вы, окаянные, я сейчас вам покажу, как табак с таких лет курить!

Мать вывернула наши карманы и нашла в них остатки рассыпанного табака. Заставила нас выложить табачные запасы. Мы нехотя, но незамедлительно достали папиросы и сигареты.

– Вот берите и жуйте этот табак! Жуйте, я сказала! – рассерчала мать.

Мы начали жевать табак, боясь проявившегося гнева матери.

Морщась и кривя лицо, делали это мы с весьма большой неохотой.

«До чего же горькая и противная дрянь этот табак», – в этот момент думалось мне.

– А-а, не нравится, а курить-то нравилось, поди?! – шумно приговаривала мать. – Это ж надо с таких пор табак курить вздумали!

Встрял дядя Ваня:

– Ребята, ну зачем вы начали баловаться этим табаком? Вот я же не курю, вы видите. Это очень вредная и дурная привычка. Кто курит давно, рад бы от неё отказаться, да не может, засасывает это дело, да так, что трудно бросить. Вы же расти должны здоровыми людьми и крепкими, а табак только губит человека. Помните мои слова, ничего хорошего он в жизни не даёт.

То ли от курения за целый день, оставшего неприятное ощущение во рту, то ли от противного жевания табака, или пример некурящего дяди Вани, а может и от всего вместе взятого, но я больше ни

разу не притрагивался к папиросам и сигаретам. Мне хватило этого дня накуриться этой гадости на всю оставшуюся жизнь.

Впоследствии ни разу я не курил и не стремился этого делать, даже если кто предлагал или уговаривал. Скажу больше, табак с того хорошо запомнившегося дня я просто возненавидел и, по сути, из-за его неприятного вкуса и вреда навсегда к нему стал безразличен.

Будучи взрослым, я много встречал людей из числа курильщиков, которые весьма сожалели, что с детства ради баловства и украдкой от родителей начинали курить. А в дальнейшем, когда они остро желали бросить эту вредную привычку, она словно неизлечимая болезнь не позволяла им избавиться от этого табачного зла.

Глава 42.

Необычные эксперименты

Электрическая энергия тянула меня к различным экспериментам, которые были увлекательными, но порой неуместными.

После нашей с братом электромеханической лебёдки и после того, как мы её разобрали, у меня вдруг появилась тяга к устройствам, связанным с электричеством.

Я посетил приисковый электромеханический участок, в отходах которого валялось множество выброшенной технической мелочи.

На этот хлам, выброшенный рабочими для последующей его вывозки с территории участка, я и обратил своё внимание. Чего только здесь не было!

Я набрал различных проводов, катушек, всяческих деталей, так, вдруг пригодятся, и попался мне на глаза некий разбитый миниатюрный приборчик. Корпус его был деформирован, стрелочный индикатор вывернут. Как потом оказалось, это остатки от мегомметра. С помощью такого прибора, когда крутишь ручку, специалисты определяли сопротивление проводов или качество изоляции высоковольтных кабелей. Я забрал этот необычный маленький механизм, предполагая как-то его использовать.

Применение ему я действительно нашёл и очень быстро. В этот же день, когда сидя на лавочке у дома, крутанул ручку мегомметра, я нечаянно притронулся к концам двух выводов. Меня сильно ударило током. От такой неожиданности я отбросил от себя устройство, руки задрожали. Вскоре от кого-то я узнал, что при вращении маленького ротора вырабаты-

вается очень высокое напряжение, до нескольких тысяч вольт, но сила тока у него незначительная и безопасна для человека.

Такое внезапно обнаруженное свойство мегомметра меня натолкнуло на мысль – с его помощью можно расправиться с волосогрызками.

Это такие чёрные с длинными усами летающие твари, которые были повсюду. Основное место обитания этих насекомых – дрова и доски. На пилораме волосогрызков было великое множество. Прохожие иногда часто шарахались от них, отмахивались руками, если они пролетали мимо, боялись, вдруг сядут на них.

Научное название волосогрызки, вероятно, имели другое. Но местные жители прозвали их именно так за свойство грызть и резать своими маленькими клещами всё посильное им. Мы, мальчишки, обычно хватали их за длинные усы и вытворяли с ними разные манипуляции. В их клещи совали волос или тонкую сухую травинку, отрывали конечности и усы. Учитывая всеобщее к ним отвращение, мы их просто истребляли.

Я взял привод мегомметра, подсоединил к его выводам провода. Один конец примотал к гвоздю, который вбил в дощечку. На дощечку налил немного воды, чтобы она была мокрая. На это мокрое место положил волосогрызку, а к ней прикрепил второй конец тонюсенького провода от мегомметра.

Когда я стал интенсивно вращать ручку устройства, то насекомое стало корчиться от воздействия тока.

«Ага! Попалась, тварь усатая!» – торжествовал я.

Такие «опыты» я провёл с несколькими волосогрызками, но мне надоело. А больше, наверное, из-за того, что, хотя эти твари и были на самом деле противными и являлись вредителями, мне их стало жаль. «Пусть живут своей жизнью», – так решил я. Надо было найти этому прибору другое применение. И тут же быстро придумал, как его можно использовать по-иному.

Мегомметр установил в сарае, с окошка которого проглядывалась наша перед домом территория. Протянул один провод до ворот ограды и подсоединил его к железной ручке со стороны двора. Ручка ворот представляла собой сквозную и единую железную скобу с обеих сторон ворот. Второй конец провода примотал к железному штырю и воткнул его в землю. Идея была в том, если кто-то чужой захочет попасть к нам домой, то я крутану ручку механизма, и незваный гость через железную ручку получит электрошок.

Этого мне долго ждать не пришлось.

Всё произошло в ближайшее воскресенье, когда все были дома.

Правда, на мой эксперимент, «налетел» знакомый мне человек. Это соседка, проживавшая недалеко от нас, тётя Зина Баранова. Я видел, как она поднималась к нам, по всей видимости, к матери по своим делам.

«А что, если попробовать на тёте Зине, а может и недостаточно напряжения на такое расстояние? Меня же дёрнуло током, ничего со мной не случилось», – размышлял я своим пытливым умом.

Соседка приближалась к нашим воротам, я загодя стал вращать мегомметр. Тётя Зина, взявшись за железную ручку ворот, взвизгнула. Я испугался: «Как бы беды не было. Вот тебе и ток махонький...»

Слушать возмущения тётя Зины мне было некогда. Во избежание наказания нужно было срочно сорвать со стороны ограды провод с ручки ворот, убрать следы своего эксперимента. Быстро сорвал провод, смотал его и забросил в сарай. После чего выскочил в ограду, будто я услышал неожиданный возглас человека. Открыл ворота, соседка всё ещё не могла отойти от внезапного шока.

– Тётя Зина, что с вами? – обратился я к ней.

– Да сама не знаю, не пойму, токо за ручку, значит, взялася, как шибанёт что-то, ажно искры с глаз!

Наш кот Васька от шума или любопытства вскочил на ограду и с удивлением смотрел на тётю Зину. В этот момент, казалось, он издевательски торжествовал.

Я еле сдерживал смех. Стал при тёте Зине участливо осматривать ворота, как бы искать причину беды.

– Да ничего тут особенного нет, ворота как ворота.

– Прямо не знаю, прямо не знаю, можа с нервами чего? – предположила тётя Зина. – Ох, это ж надо какая напасть, прямо руку ажно трягнуло...

Тётя Зина вошла к нам в дом. Первое о чём я подумал – она сразу же поделится с матерью явлением, произошедшим с нею у ворот.

Я же в это время в сарае убирал и прятал все провода и мегомметр, чтобы никто не мог догадаться о моём гнусном проступке. Мне стало стыдно за эксперимент, в котором невольной приняла участие тётя Зина. Но что поделаешь, коль так получилось. Мне так не терпелось больше познать свойства мегомметра. Я забросил этот механизм за огород и забыл о его существовании.

Глава 44.

Выпускной и не только

У кого-то школа заканчивается после восьми классов, у кого-то после десяти, для меня она закончилась в девятом классе. А почему, читатель прочтёт в этой завершающей главе.

Подошло время, я заканчивал восьмой класс.

В школе нам организовали выпускной вечер. Чтобы как-то сэкономить деньги, мы, выпускники, решили к столу приготовить некоторые блюда самостоятельно.

Помню, девочкам никак не хотелось заниматься с мясным фаршем, и они додумались пельмени сделать с варёной колбасой. Такая появившаяся на столе новинка, в общем-то, всем понравилась.

Кто-то из учителей даже ради шутки подметил:

– Пельмени вкусные, потому как диетические.

На вечере нас заставили выйти на сцену и спеть всем классом песню. Я и ещё двое или трое мальчишек стали упираться – петь не хотелось. Но под нажимом своих одноклассников всё же мы поднялись на сцену.

Песня была популярная в то время и отвечала настроению нашего вечера. Класс сначала робко, затем воодушевлённо пел хором:

Вот и стали мы на год взрослей,
И пора настает,
мы сегодня своих голубей
Провожаем в прощальный полет.
Пусть летят они, летят
И домой возвратятся назад...

Со сцены мы смотрели на своих учителей и родителей. Их лица выражали задумчивость и грусть. Все они думали, вероятно, о прошедших годах, как же мы незаметно повзрослели, а они вместе с тем чуть постарели, размышляли о нашей дальнейшей жизни.

Многие из нашего класса, закончив восьмилетку, решили, кто поступить в какое-нибудь среднее специальное училище или техникум, кто учиться на шофёра, кто-то планировал устраиваться на работу.

Остался в памяти один из последних уроков в выпускном классе. Учитель интересовался у ребят о планах и кто кем хочет стать по окончании восьмилетки. Спрашивали многих. Отвечали на вопросы. У меня не было желания, чтобы учитель задал мне вопрос по этому поводу, и этого не произошло.

Прошло немало времени, но запомнились ответы трёх учеников: Нины Фроловой, Вовки Москаленко и Ольги Буш.

Фролова пояснила, что хочет стать актрисой, и это в классе вызвало у многих улыбку. Москаленко озвучил мечту стать горным инженером. Ольга Буш с откровенным признанием в желании стать учителем русского языка и литературы. В дальнейшем так и произошло – Ольга Буш на самом деле осуществила свою мечту и стала преподавателем этих дисциплин в бодайбинской средней школе. Владимир Москаленко закончил вуз и стал работать на горном производстве «Лензолото». В классе звучали ответы и Сашки Соколова, Юрки Козлова, Тани Бебениной и других сверстников, но я не помню, кем они мечтали стать, и не знаю, достигли ли они своей цели. Но, полагаю, каждый из ребят нашёл своё место в жизни.

Как же это давно всё было, да и разве можно упомнить всех одноклассников.

Я решил учиться дальше, всё же мечта стать лётчиком меня не покидала никогда. А для поступления в лётное, нужно было среднее образование.

Но мечта стать лётчиком, а с ним и желание дальше учиться в школе вдруг оборвались для меня в один из школьных дней в девятом классе.

В октябре, в первой учебной четверти, все мальчишки нашего класса по требованию военкомата проходили медицинскую комиссию. По возрасту, в шестнадцать лет, нас ставили на приписку, на учёт как будущих призывников для срочной службы в армию. С этого времени мы должны были проходить ежегодную медицинскую комиссию.

Когда очередь дошла до проверки зрения, окулист осмотрел мои зрачки, заставил прочитать сверху до низа буквы на таблице, что-то записал в моей карточке.

Я спросил:

– Доктор, скажите какое у меня зрение?

– Ноль целых девять десятых на оба глаза.

– Значит, у меня не единица?

– Нет, не единица, я же сказала: ноль целых девять десятых. Проще сказать, зрение девяностопроцентное. Глазное дно в норме, просто нужно беречь свои глаза.

От её слов у меня внутри будто защемило. «Вот это новость. Как же быть? Кто же меня примет в лётное училище с таким зрением? Всё... Ну зачем, какой смысл заканчивать десять классов? То, к чему я стремился, лопнуло, словно мыльный пузырь, – с огорчением размышлял я. – В таком случае пойду работать и переvedусь на заочное обучение в горный техникум».

Вот с таким настроением я продолжал учиться до марта следующего года.

В Артёме в то время функционировал вечерний филиал Бодайбинского горного техникума, на котором были отделения – разработка месторождений полезных ископаемых и электромеханическое.

Мать не раз уговаривала меня продолжать учёбу, говорила, мол, в авиационных учебных заведениях есть и другие хорошие специальности, но я ничего не хотел слышать. На авиационные наземные специальности поступать мне никогда не хотелось.

В это время Санька Чувашов работал на экскаваторном разрезе «Правый Догалдын» маркшейдером. Он не заканчивал никакого учебного заведения по этой специальности. Но, учитывая его учёбу на вечернем отделении горного техникума без отрыва от производства и из-за нехватки таких специалистов, его «натаскали» маркшейдерскому искусству и назначили исполняющим обязанности участкового маркшейдера.

Работа эта ему очень нравилась. Он часто рассказывал, чем он занимается и чем она интересна. Я даже стал ему завидовать и в душе заразился для меня малоизвестной специальностью маркшейдера. Он по жизни остался верен этой горной геодезии и после того, как отслужил положенный срок срочной службы в рядах Советской армии.

Как-то Санька был у нас дома, и мать встряла в разговор между нами.

– Саша, а вам в маркшейдерский отдел не нужны рабочие какие? Может, Саньку нашего туда приняли бы?

– Сразу не могу сказать, но уточню. Вообще-то началоство каждый год на сезон рабочих принимает.

– Да хоть бы временно, – вздохнул я. – А учиться я бы перевёлся в вечерний филиал горного техникума.

– А если примут, глядишь, посмотрят, что учишься в техникуме, и оставят на постоянную работу. А после и в институт поступишь, – предположила мать.

На этом разговор был окончен. Возобновился он вскоре, к моему счастью, в начале марта. Санька сообщил о решении старшего маркшейдера разреза о приёме рабочего и попросил меня приехать на беседу.

Где-то в середине марта я съездил в контору «Правого Догалдына» для разговора со старшим маркшейдером экскаваторного разреза, а уже с двадцать второго марта одна тысяча девятьсот шестьдесят шестого года меня приняли на работу. В моей трудовой книжке появилась соответствующая первая запись, заверенная штампом – «Прииск Артёмовский трест «Лензолото». С этого времени я начал свою трудовую деятельность в сис-

теме крупного горно-добывающего предприятия, называемого «Лензолото».

Я трепетно наблюдал, как заполняли на меня трудовую книжку. Это был документ, подтверждающий принятие меня на работу туда, куда желал. Как сложится моя дальнейшая трудовая деятельность, я, конечно, не ведал. Знал только то, что трудовые будни с этого момента у меня уже начались.

В период своего трудоустройства я без сложностей перевёлся в Артёмовский вечерний филиал Бодайбинского горного техникума.

Школьные учителя отговаривали меня от этого шага, настаивали на продолжении учёбы в школе. Но от своего решения я не отступил, и с этих дней моя жизнь сильно изменилась.

Теперь работа и учёба закрутили меня в своем круговороте, но все перемены были интересны и не были в тягость.

Не знаю почему, но от последних моих школьных дней остались весьма смешанные чувства и воспоминания. Возможно, тому были причиной необычные для меня волнения о предстоящей самостоятельной жизни или размышления о том, как сложатся отношения с незнакомыми людьми. Одно могу сказать, устроившись на работу и поступив на заочную учёбу в горный техникум, я вдруг осознал – вот и закончилось моё детство и юность, впереди новая, уже совсем взрослая жизнь.

Термины, встречающиеся в тексте

Драга – плавучий комплексно-механический горно-обогатительный агрегат с многочлапковым органом для подводной разработки россыпных месторождений по извлечению ценных минералов. В данном описываемом случае – золота.

Штольня – горизонтальная или наклонная подземная выработка с выходом на поверхность для обслуживания и эксплуатации подземных горных работ.

Забой – поверхность (пространство), ограничивающая горную выработку и перемещающаяся (продвигающаяся) в результате подземных горных работ.

Крепь – конструкции, укрепляющие свод и стены подземных горных выработок от обрушения и сдвигания.

Бутара – лоток, на днище которого установлены решётки, улавливающие оседающее золото при промывке проточной водой золотосодержащей породы с использованием скребков и лопат для размыва породы вручную.

Скребок – инструмент, похожий на мотыгу, для обработки почвы, но конструктивно более усиленный.

Лоток – изделие, выдолбленное из дерева в виде овального таза, но с более пологими краями двух противоположных сторон, используемое для доводки золотосодержащих концентратов (пород) в извлечении вручную россыпного золота.

Терриконик – конусообразный отвал горных пород, образовавшийся в результате подземных горных работ и размещённый на поверхности земли.

Стланиковый орех – кедровый стланник, хвойный кустарник с расширенной до пяти-семи метров кроной. Содержимое многочисленных шишек напоминает кедровый орех, но меньших размеров.